

18+

Жан-Батист Кревье

**История
римских
императоров
от Августа
до Константина**

Том 2

Жан-Батист Кревье

**История римских императоров
от Августа до Константина. Том 2**

«Издательские решения»

Кревьё Ж.

История римских императоров от Августа до Константина. Том 2 /
Ж. Кревьё — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658535-5

Полное название: Histoire des empereurs des Romains, depuis Auguste jusqu'à Constantin. Одна из самых полных французских историй Рима своего времени. Более поздние историки (например, Эдуард Гиббон) ссылались на Кревьё. Второй том детально описывает правление императоров династии Юлиев-Клавдиев.

ISBN 978-5-00-658535-5

© Кревьё Ж.
© Издательские решения

Содержание

Книга вторая. Тиберий (продолжение)	6
§ I. Раскрытие заговора Друза	6
§ II. Германик отправляется на Восток	23
§ III. Овация Друза	37
§ IV. Жалобы эдилов на роскошь пиршеств	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

История римских императоров от Августа до Константина Том 2

Жан-Батист Кревье

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кревье, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-8535-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга вторая. Тиберий (продолжение)

§ I. Раскрытие заговора Друза

Консулы: Т. Статилий Тавр Сизиний и Л. Скрибоний Либо. Год Рима 767. От Р. X. 16.

Пока Германик воевал на Рейне, в Риме тайно зрел заговор, долгое время тревоживший Тиберия и в конце концов раскрытый, что привело к гибели виновного – молодого человека знатного происхождения и с громким именем.

Друз Либо, из рода Скрибониев, правнук великого Помпея, внучатый племянник Скрибонии, первой жены Августа, а следовательно, двоюродный брат Цезарей, обладал легкомысленным нравом [1], и юношеская незрелость в нём сочеталась с природной ветреностью. Сенатор Фирмий Кат, с которым он был тесно связан, склонил его к честолюбивым замыслам, выходявшим далеко за рамки возможного при тогдашних обстоятельствах и совершенно не соответствовавшим его способностям. Фирмий неустанно превозносил знатность его рода, показывал ему портреты великих предков и родственников, украшавшие залы его дома, и легко убедил его, что нет ничего столь блистательного, чего он не мог бы достичь. Он подтолкнул его к обращению за предсказаниями к магам и астрологам, чтобы узнать свою высокую судьбу и найти способ её осуществить. В ожидании неминуемого, как ему казалось, успеха он втянул его в роскошь и безумные траты, сопровождал во всех кутежах, сам влез в долги и оказался в таких же затруднениях, как Либо, чтобы ещё больше заслужить его доверие. А когда собрал против него доказательства и свидетелей, предатель сменил роль и стал доносчиком на того, кого не только вовлёл в преступление, но и сам развратил. Он попросил аудиенции у императора и через римского всадника Флакка Вескулария, имевшего доступ во дворец, донёс ему о преступлении и преступнике.

Тиберий благосклонно принял донос, но не пожелал видеть Фирмию лично, приказав ему продолжать действовать через того же Вескулария. Его целью было скрыть свои намерения и не дать Либо ни малейшего повода для подозрений. Чтобы лучше этого добиться, он предоставил ему должность претора, часто приглашал к своему столу, не проявляя ни малейших изменений в обращении или выражении лица, не проронив ни слова, выдающего гнев. И хотя он мог пресечь козни Либо, предпочитал выжидать. Эта скрытность длилась, должно быть, более года: Светоний связывает заговор Либо с мятежами в Паннонии и Германии как вторую угрозу, усилившую тревогу Тиберия.

Всё это время коварный принцепс ограничивался тайными мерами для своей безопасности. Так, когда ему предстояло совершить жертвоприношение вместе с Либо, который был жрецом, вместо стального ножа, которым обычно закалывали жертву, ему подали свинцовый. А когда Либо попросил у него частной беседы, он настоял на присутствии своего сына Друза в качестве третьего лица и, пока длился разговор, держал Либо за правую руку, будто нуждался в опоре.

Наконец дело было передано в сенат, но не по прямому указанию или приказу императора. Некто Юний, к которому Либо обращался с просьбой вызвать адских духов, сообщил об этом Фульцинию Триону. Тот был профессиональным обвинителем и, по словам Тацита, жаждал дурной славы. Тотчас он возбудил дело: явился к консулам и потребовал, чтобы сенат рассмотрел его; консулы издали указ о созыве чрезвычайного заседания, указав, что речь идёт о деле чрезвычайной важности.

Тем временем Либо, в траурной одежде, в сопровождении знатных римлянок – своих родственниц, ходил из дома в дом, умоляя близких и друзей вступить за него и поддержать его защиту в сенате. Все отказали, ссылаясь на разные предлоги, но движимые одним страхом.

В день заседания Либо, сломленный страхом и мучительной тревогой или, как утверждают некоторые, притворяясь больным, велел нести себя в носилках до входа в сенат; войдя в зал, опираясь на брата [2], он простёр руки к Тиберию, умоляя его с величайшим смирением. Тиберий слушал его холодно, без малейшего волнения. В ответ он велел зачитать подписанные обвинителями документы, стараясь сохранить видимость беспристрастия – не смягчая обвинений, но и не усугубляя их.

У Либо было четверо обвинителей: ибо всегда находятся желающие пнуть лежачего. Помимо Фульциния и Ката (первый выступил открыто, второй долго поставлял Тиберию тайные донесения), к делу присоединились Фонтей Агриппа и Г. Вибий. Они спорили между собой, кому выступать первым и вести обвинение. Поскольку у Либо не было защитника, Вибий предложил кратко изложить суть дела, и потому его выбрали. Он представил документы, из которых следовало, что Либо дошёл до такого безумия, что спрашивал у магов, будет ли он настолько богат, чтобы замостить серебром всю Аппиеву дорогу от Рима до Брундизия. Там обнаружили и другие подобные записи, полные алчности и нелепости, скорее достойные жалости, чем наказания, если бы их не стали толковать со всей строгостью.

Но главным доказательством вины обвиняемого был список имён Цезарей и некоторых сенаторов, под которыми стояли зашифрованные пометки. Обвинитель утверждал, что они написаны рукой Либо и являются магическими знаками, начертанными с дурными намерениями. Либо отрицал это, но надеялись выяснить правду через допрос его рабов под пыткой. Было решено применить к ним дыбу. Хотя такой порядок противоречил древнему сенатскому постановлению, путь к нему открыл, как мы уже говорили, Август, придумавший лазейку для обхода закона.

Либон, видя свои дела в таком плачевном состоянии, просил лишь об одной милости – отсрочке на один день. Вернувшись домой, он предпринял последнюю попытку смягчить Тиберия через посредничество своего союзника П. Квирина. Однако ответ был таков: он должен обратиться к сенату.

Тем временем отряд солдат окружил его дом. Они ворвались даже в переднюю, так что можно было слышать производимый ими шум и видеть их самих. Либон совещался с оставшимися у него друзьями: ждать ли суда или предупредить его добровольной смертью. Его тётка Скрибония советовала ему не спешить. «Зачем вмешиваться в то, что стало делом других? – говорила она. – Решение твоей судьбы больше не зависит от тебя». Эта женщина, чью рассудительность хвалил Сенека, не одобряла поспешного отчаяния и справедливо полагала, что для её племянника нет худшей участи, чем смерть. Но в те времена самоубийство считалось героическим поступком, и Либон решился на него.

Однако, будучи человеком изнеженным, он пожелал перед смертью ещё раз насладиться удовольствиями роскошного пира и велел приготовить обильное угощение, что лишь усилило его сожаления и мучения. По окончании трапезы он умолял своих рабов помочь ему уйти из жизни. Но когда те отказались от этого жестокого дела, он хватал их за руки, вкладывая в них обнажённый меч. Все разбежались в ужасе, опрокинув в спешке светильники на столе. Оставшись один, Либон во мраке исполнил свой роковой замысел, нанеся себе два удара мечом в живот. Услышав его стоны при падении, прибежали вольноотпущенники, а солдаты, видя его смертельно раненным, удалились. Тем не менее суд над ним был завершён, как если бы он был жив, и Тиберий торжественно заявил под присягой, что, каким бы преступником ни был Либон, он сам ходатайствовал бы перед сенатом о сохранении ему жизни – пустая демонстрация милосердия после того, как он вынудил его умереть. Имущество Либона было конфисковано в пользу его обвинителей, а те из них, кто принадлежал к сенаторскому сословию, были дополнительно вознаграждены преторскими должностями.

Затем сенат опозорил память Либона особым постановлением, статьи которого становились всё суровее. Было решено, что его изображение не будет участвовать в погребальных про-

пессиях его рода; что ни один из Скрибониев не сможет носить прозвище Друз; что следует вознести торжественные благодарения богам и принести дары Юпитеру, Марсу и Согласию; наконец, что день сентябрьских ид, в который Либон покончил с собой, будет отмечаться как праздник. Все эти пункты были предложены первыми лицами сената, наперебой старавшимися обрушить на несчастного самые жестокие и позорные обвинения, дабы доказать принцепсу своё рвение. Однако Тиберий был слишком проницателен, чтобы не понять, чем на самом деле были вызваны эти показательные заявления.

Дело Либона, в котором оказались замешаны несколько гадателей и астрологов, послужило поводом для возобновления старых указов против этих общественных зол. Двое были казнены, остальные изгнаны из Италии. Однако Тиберий, сам веривший в астрологию и широко её использовавший, не слишком строго следил за исполнением этого постановления. Те, кто обещал отказаться от своего искусства, получили разрешение остаться в Риме.

По этому поводу Дион отметил любопытную деталь, показывающую, в какой степени Тиберий оставлял сенату свободу в некоторых решениях, а магистратам – право действовать в рамках их полномочий. При обсуждении вопроса об астрологах мнения разделились: Тиберий и его сын Друз поддержали одну сторону, а большинство сенаторов – другую. Постановление вот-вот должно было быть принято в соответствии с мнением большинства, но один трибун наложил вето, и решение не состоялось. Таким образом, сенат одержал верх над Тиберием, а трибун – над сенатом.

К безумным замыслам Либона я добавлю, вслед за Светонием, дерзкую выходку одного раба Агриппы Постума. Задумав спасти своего господина, но не успев опередить посланного убить его офицера, он решил выдать себя за принцепса, с которым его сходство в возрасте, росте и чертах лица было довольно велико. Сначала он похитил его прах, затем отправился на этрусский мыс Коза, где скрывался некоторое время в неизвестном месте, отрачивая бороду и волосы.

Между тем сообщники самозванца исподтишка распространяли слухи, будто Агриппа жив. Сначала это был лишь шёпот, передаваемый на ухо, как обычно бывает с тем, что может не понравиться властям. Но вскоре молва разрослась – то ли из-за доверчивости невежественной толпы, то ли из-за злого умысла тех, кто искал повода для смуты. Тогда лже-Агриппа начал показываться, но с осторожностью, входя в города лишь с наступлением темноты. Зная, что истина утверждается в спокойном и обстоятельном обсуждении, тогда как ложь требует спешки и неопределённых намёков, он появлялся лишь мельком, приходил неожиданно и исчезал прежде, чем иллюзия могла рассеяться. Вся Италия наполнилась радостной вестью, что Агриппа жив и спасён особым покровительством богов. В Риме этому верили, и обманщик, ободрённый успехом, прибыл в Остию, где открыто показывался в окружении многочисленной свиты, затем вошёл в столицу, где устраивал тайные ночные собрания.

Тиберий был смущен тем, как ему поступить в подобных обстоятельствах. Применить военную силу против своего раба – значило почти что выставить себя на посмешище; позволить грубой лжи разрушиться самой собой – казалось ему решением небезопасным. Метаясь между стыдом и страхом, то он говорил себе, что ничем нельзя пренебрегать, то склонялся к мысли, что не следует всего бояться. Наконец, он приказал Саллюстию испытать пути хитрости и обмана.

Этот министр выбрал двух своих клиентов (по другим сведениям – двух солдат), поручив им втереться в доверие к лже-Агриппе, предложив ему деньги, выказав готовность служить ему и делить с ним все опасности. Они ловко выполнили поручение и, выбрав ночь, когда самозванец был не настороже, взяли с собой подкрепление, схватили его, заковали в цепи и доставили во дворец с кляпом во рту.

Император лично допросил его и, спросив, как он стал Агриппой, получил дерзкий ответ: «Так же, как ты стал Цезарем». Узнать имена его сообщников не удалось. Тиберий не осме-

лился казнить его публично. Его убили в укромном месте дворца, а тело тайно вынесли. Дело не имело последствий. Тиберий мудро решил его замять, и хотя считалось достоверным, что некоторые придворные чины, всадники и сенаторы помогали обманщику деньгами и советами, расследования не проводилось.

Дион дает нам повод добавить здесь еще один штрих к умеренности Тиберия, но в гораздо менее серьезном деле. Вибий Руф, тщеславный человек, чрезмерно гордился тем, что владел курульным креслом, на котором сидел диктатор Цезарь и на котором он был убит, а также тем, что был мужем Теренции, некогда супруги Цицерона. Эта дама, должно быть, была тогда уже крайне стара, так как со смерти Цицерона прошло пятьдесят восемь лет. Однако это не невозможно, ибо мы знаем от Плиния и Валерия Максима, что она перешагнула обычные пределы человеческой жизни и дожила до ста трех лет. Вибий Руф считал себя вторым Цезарем, потому что сидел на его кресле, и вторым Цицероном, потому что женился на его вдове. Столь тщеславные фантазии показались Тиберию достойными лишь смеха, и, далекий от того, чтобы бояться нового Цезаря или считать его преступником, он сделал его консулом. Имя Вибия не встречается среди ординарных консулов, так что, видимо, он был в числе заместителей.

Сенаторы по-прежнему имели право предлагать то, что считали полезным для государства. Когда наступала их очередь говорить, они могли, как во времена республики, не ограничиваться мнением по обсуждаемым вопросам, но выдвигать свои замечания и идеи – как для полезных установлений, так и для исправления злоупотреблений. Квинт Гатерий, консулярий, и Октавий Фронтон, бывший претор, воспользовавшись этим правом, обрушились с критикой на царившую в городе роскошь, и по их требованию был издан указ, запрещающий золотую посуду и предписывающий мужчинам не позорить себя и не изнеживаться (выражение Тацита) шелковыми одеждами.

Фронтон пошел дальше и потребовал регулирования касательно серебряной утвари, мебели и количества рабов. Но Азиний Галл воспротивился этому и выступил апологетом роскоши. Он заявил, что по мере роста империи увеличивались и частные богатства, и так было с древнейших времен. У Фабрициев было одно состояние, у Сципионов – другое. Положение республики определяло состояние частных лиц: когда она была стеснена, они жили скромно, а когда расширялась – богатели. В расходах на серебряную посуду, мебель и рабов не было ничего чрезмерного или скромного – все соответствовало положению владельца. Между сенаторами, всадниками и простым народом было установлено различие в богатстве и достатке не потому, что природа сделала их разными, а потому, что те, кто превосходит других рангом, должностями и достоинством своего сословия, должны также в изобилии пользоваться средствами, полезными для отдыха духа или здоровья тела. Неужели первые граждане республики должны быть обременены большими заботами, подвергаться большим опасностям и при этом лишаться облегчений, помогающих им нести бремя величия?

Эти доводы, похожие на те, что ежедневно приводятся у нас в защиту того же самого, не заслужили одобрения Тацита. «Оратор порока, – говорит этот строгий историк, – был выслушан с одобрением слушателями, которые находили в его речах оправдание своим нравам». Сам Тиберий, хотя и склонный к строгости, заявил, что сейчас не время для цензуры, и если какие-то исправления окажутся нужны, он возьмет их на себя. Действительно, он не поощрял роскошь своим примером, как мы еще заметим в другом месте.

В том же заседании сената, где происходило только что описанное, Луций Пизон, знатный сенатор, человек горячего и порывистого нрава, устроил необычную сцену. После страстной речи против интриг среди кандидатов, против продажности судей и жестокой наглости ораторов, грозивших обвинениями даже самым достойным людям, он заключил, что больше не может жить в городе, полном несправедливостей, и удалится в далекое поместье, где не будет больше слышать о человеческом роде. И тут же он собрался покинуть сенат. Тиберий был

взволнован и, не довольствуясь тем, чтобы самому успокоить гнев Пизона, поручил его родным удержать его уговорами или мольбами.

Тот же Пизон вскоре вновь доказал свою бесстрашную свободу, привлекая к суду Ургуланию, любимицу Ливии, считавшую себя выше закона. Она так нагло злоупотребляла своим влиянием, что, будучи вызвана свидетельницей по делу, рассматриваемому в сенате, пренебрегла явкой. К ней отправили претора для принятия показаний, тогда как даже весталки, пользовавшиеся величайшими привилегиями, обязаны были, если им приходилось свидетельствовать в суде, являться на форум перед судьями. Ургулания презрела вызов Пизона и вместо ответа отправилась прямо во дворец императора. Пизон, будучи прав, не уступил в гордости и, хотя Ливия жаловалась на неуважение к себе, продолжал настаивать на своем с прежней твердостью.

Тиберий, разрываясь между угождением матери и необходимостью соблюдать установленные правила, решил, что удовлетворит всем требованиям, если явится в преторский суд и своим присутствием поддержит Ургуланию. Итак, он покинул дворец, приказав страже следовать за ним на почтительном расстоянии, и с важным видом, беседуя с сопровождавшими его, шел сквозь толпу народа, устремившего на него взоры. Тем временем все родственники Пизона уговаривали его отказаться от иска, но тщетно. Ливии пришлось уплатить ему требуемую сумму. Так закончилось это дело, принесшее честь Пизону и еще большую – императору.

Слишком поспешно стали восхвалять Тиберия. Впоследствии выяснилось, что он затаил глубокую обиду на Пизона, выжидая лишь случая, чтобы дать ей выход.

Тацит рассказывает здесь о споре, возникшем между Гнеем Пизоном (которого не следует путать с упомянутым ранее Пизоном) и Азинием Галлом. Речь шла о том, следует ли сенату объявлять перерыв в заседаниях, несмотря на то что Тиберий объявил о своем отсутствии на некоторое время. Пизон, напротив, утверждал, что это повод для более активной работы и что республике подобает, чтобы сенаторы и магистраты исполняли свои обязанности одинаково усердно как в присутствии, так и в отсутствие императора. Это мнение, проникнутое духом свободы, могло понравиться многим. Поскольку Пизон уже присвоил себе заслугу такого рода, Галлу оставалось лишь снискать расположение угодливостью – что он и сделал. Он доказывал, что заседания сената обретают свое главное достоинство лишь в присутствии принцепса и что следует оставить за ним право рассматривать дела, привлекающие в Рим и Италию, а также из провинций, – будь то судебные разбирательства или обсуждения в сенате. Спор разгорелся жаркий, страсти накалились с обеих сторон, но Тиберий не проявлял к этому ни малейшего интереса и не проронил ни слова. В итоге возобладало мнение о необходимости перерыва.

Однако Тиберий не сохранил того же молчания в отношении предложения Азиния Галла, которое показалось ему направленным на ослабление императорской власти. Это предложение состояло из двух основных пунктов: во-первых, Галл предлагал назначать магистратов не на один год, как было принято, а сразу на пять лет, как это делал диктатор Цезарь, а после него – триумвиры; во-вторых, он настаивал на предоставлении претуры командирам легионов, еще не занимавшим эту должность.

Нетрудно понять, почему второй пункт задел Тиберия. Все, что касалось военных, относилось к ведению императора, и хотя Тиберий в одном случае проявил столь почтительное отношение к сенату, что даже заставил высокопоставленного офицера отвечать перед этим собранием по обвинению в грабежах и насилиях, он, безусловно, не одобрял, когда первые лица сената присваивали себе право раздавать милости тем, кто состоял на службе. В ответе, который Тацит вкладывает в его уста, об этом втором пункте не сказано ни слова. Тиберий не любил раскрывать государственные тайны. Что касается первого пункта, он притворился, будто видит в этом чрезмерное усиление власти, оскорбительное для его скромности:

«Как можно возлагать на меня столь многочисленные назначения, которые повлекут за собой еще большее число отказов? Едва ли возможно ежегодно избегать недовольных, хотя бы близкая надежда на удачу в следующем году и служила утешением для тех, кто потерпел неудачу. Но как утешатся соискатели, отвергнутые на целых пять лет, и какое негодование их охватит? К тому же кто может предвидеть перемены, которые за столь долгий срок произойдут в настроениях, семейных обстоятельствах, имущественном положении подданных? Гордость овладевает теми, кто получает назначение всего за несколько месяцев до вступления в должность, – что же будет, если они в течение пяти лет будут как бы обладать магистратурой? Это значит – впятеро умножить число магистратов и ниспровергнуть законы, мудро установленные сроки, подходящие для соискания и отправления должностей».

Этой искусной речью, казалось бы направленной лишь на общее благо, он отклонил нововведение, которое могло повредить его власти, усиливая дерзость честолюбцев, обостряя жалобы недовольных и лишая его самого на пять лет средств вознаграждать тех, кто оказал ему услуги. Он знал, что надежда на будущую милость действует на людей гораздо сильнее, чем благодарность за уже полученное благодеяние.

Тогда же Тиберий раздал денежные пособия нескольким неимущим сенаторам, и это, без сомнения, побудило Марка Гортала, внука оратора Гортензия, просить у него помощи для облегчения своей нужды. Гортал мало заслуживал милости принцепса своим поведением, если он тот самый, кого Валерий Максим приводит среди примеров недостойных наследников великого имени, которое они позорят. Впрочем, его случай был весьма благоприятен. Его отец, человек дурного нрава, убитый по приказу Антония после битвы при Филиппах, разорил его. Август, считавший за честь не дать погибнуть древним родам республики, подарил ему миллион сестерциев, побуждая его жениться. Гортал повиновался, и от этого брака у него было четверо детей, еще совсем маленьких, которых он привел в преддверие сената. Когда настала его очередь высказаться, он произнес следующее:

«Отцы сенаторы! Эти дети, чей возраст и число вы видите, – плод брака, который я заключил лишь в повиновении принцепсу. Мои предки, конечно, заслужили, чтобы у них были потомки. Но поскольку обстоятельства времени мне не благоприятствовали и я не мог ни унаследовать, ни собственными трудами добыть обычные источники благосостояния знати – богатство, народную любовь, даже красноречие, которое как бы является *patrimonium* нашего дома, – я довольствовался скромной жизнью, не позоря своего имени и не обременя никого. По велению императора я женился. Перед вами – потомство стольких консулов, стольких диктаторов. Оно не в таком положении, чтобы вызывать зависть, и я напоминаю здесь о славе их предков лишь для того, чтобы пробудить в вас сострадание к этим детям. Под вашим покровительством, Цезарь, они достигнут тех почестей, которых вы сочтете их достойными. А пока не дайте впасть в нищету правнуков Гортензия и питомцев божественного Августа».

Тиберий отказал. Он принадлежал к числу тех, кого просьбы раздражают и кто, творя щедроты, желает, чтобы за ними признавали инициативу. Более того, готовность сената поддерживать Гортала, по словам Тацита, лишь укрепила его в решимости проявить суровость. И потому он ответил с величайшей жесткостью:

«Если все бедняки станут приходить сюда просить денег для своих детей, республика истощится, не удовлетворив алчности частных лиц. И конечно, когда сенаторам дозволялось иногда отклоняться от обсуждаемого вопроса и высказывать то, что они считают полезным для государства, это делалось не для того, чтобы они пользовались этой свободой, дабы говорить о своих личных делах и умножать свое состояние, ставя сенат и принцепса перед необходимостью навлечь на себя ненависть – независимо от того, удовлетворят они просьбу или откажут. Это не просьбы, а неуместная назойливость – являться, когда сенат занят совсем другими делами, выставлять напоказ возраст и число своих детей, утомлять собрание, оказывать на него давление и чуть ли не опустошать государственную казну, которую нельзя истощать необду-

манными подачками, если не пополнять ее тираническими способами. Гортал, божественный Август сделал тебе подарок, но не по твоей просьбе, и его намерением не было обязывать нас постоянно тебя одаривать. Если раз пойти по этому пути, если никто не будет больше ничего бояться или надеяться на себя и свое поведение, исчезнет соревнование, его место займет лень, и все, погрузившись в праздность, будут искать средства к существованию у других, оставаясь бесполезными для самих себя и обременительными для республики».

Этот речь одобрили лишь те, кто, по словам Тацита, привык хвалить всё, что исходит из уст принцепса, будь то хорошее или дурное, справедливое или несправедливое. Молчание или даже сдержанный ропот большей части сената дали Тиберию понять, что присутствующие недовольны. Тогда он снова взял слово и сказал, что уже ответил Горталу, но если сенат того пожелает, он выделит по двести тысяч сестерциев каждому из сыновей этого сенатора. Остальные выразили благодарность; Гортал же промолчал – то ли из страха, то ли потому, что даже в бедности сохранял некую гордость, унаследованную от знатного рода. Тиберий не смягчился по отношению к нему и равнодушно наблюдал, как дом Гортенсия скатывается к нищете.

Мы завершим описание событий этого года рассказом о внимании, которое Тиберий уделил древним государственным архивам. Многие из них были утрачены, а в других тексты настолько выцвели от времени, что их едва можно было прочесть. Он назначил трёх сенаторов, чтобы те организовали перепись сохранившихся документов и разыскали недостающие.

Г. Целий Руф – Л. Помпоний Флакк. 768 год от основания Рима (17 г. н. э.)

26 мая года, когда консулами были Целий и Помпоний, Германик праздновал триумф над херусками, хаттами, ангривариями и другими племенами, жившими между Рейном и Эльбой. Перед колесницей триумфатора шли знатные пленники: Сегимонд, сын Сегеста, его дочь Туснельда, жена Арминия, ведшая за руку или несшая на руках трёхлетнего сына; Сеситак, племянник того же Сегеста, и многие другие, чьи имена можно найти у Страбона. Примечательно, что в то время как вся семья Сегеста шла в триумфе как пленники, сам он участвовал в нём с почётом и отличием, как старый и верный союзник римского народа. В процессии несли также трофеи, захваченные у германцев, изображения гор и рек, картины сражений. И хотя война ещё не была завершена, триумф Германика не считали менее заслуженным или менее славным, ибо он сделал всё, чтобы добиться полной победы.

Народ с восхищением взирал на героическую стать этого принца, его приветливый облик и пятерых детей, окружавших его в колеснице. Но тайная тревога омрачала эту радость, когда люди вспоминали о его отце Друзе и дяде Марцелле, оба они были преждевременно унесены смертью, оставив римский народ в скорби и лишив его надежд. Казалось, судьба нации – терять слишком рано тех, кто был её отрадой.

Тиберий раздал народу по триста сестерциев от имени Германика и пожелал стать его коллегой по консулату, который обещал ему на следующий год. Но эти внешние проявления благосклонности никого не обманывали. Все знали, что он не любит своего племянника, и вскоре он подтвердил это, искусно создав повод удалить его из Рима или воспользовавшись представившимся случаем. Парфия, Армения, Каппадокия, даже провинции Сирия и Иудея – весь Восток был охвачен или угрожал волнениями, что послужило Тиберию предлогом, о чём стоит здесь рассказать читателю. Начнём с событий в Парфии.

Известно, что старый Фраат, хотя и одержал значительные победы над римлянами под командованием Антония, тем не менее выказывал всяческое почтение Августу, вернув знамёна, некогда захваченные у Красса, и отправив к нему четырёх своих сыновей почти как заложников. Эти принцы оставались в Риме во время правления их брата Фраатака, а затем Орода, который, будучи из рода Аршакидов, но другой ветви, сменил Фраатака, изгнанного подданными. Когда заговор аналогичным образом сверг и даже погубил Орода, парфяне, оставшись без царя, разделённые и уставшие от междоусобиц, вспомнили о сыновьях Фраата, уже много лет находившихся у римлян. Они отправили в Рим посольство из знатнейших людей

с просьбой отпустить к ним старшего в роду Фраата – принца Вонона, которого желали возвести на престол предков. Август, ещё живший тогда, счёл это событие весьма славным для себя и отпустил Вонона, осыпав его дарами.

Варвары с радостью встретили нового царя. Но вскоре они стали стыдиться того, чего так страстно желали. Они говорили друг другу, что парфяне выродились, раз ищут царя в чуждом мире, заражённом искусствами и нравами их врагов; что трон Аршакидов теперь приравняли к римским провинциям, раз его отдают по воле римлян, кому им угодно. «Что останется, – добавляли они, – от нашей славы, добытой убийством Красса и изгнанием Антония, если раб Цезаря, столько лет носивший ярмо рабства, будет повелевать парфянским народом?»

Сам Вонос своими манерами, столь отличными от предков, лишь усиливал презрение гордых подданных. Их раздражало, что он редко охотился, мало заботился о лошадях, передвигался в городах в носилках, презирал простую и обычную для парфян пищу. Его любовь к обществу греческих учёных и привычка, как в Риме, запира́ть под замок даже самые заурядные и дешёвые вещи, становились поводом для насмешек. Даже его добродетели, неизвестные парфянам, казались им пороками. Ничто так не противоречило обычаям Аршакидов, как доступность царя и предупредительная вежливость; и парфяне, приверженные своим традициям, ненавидели в нём как достойное похвалы, так и порицания.

Вскоре всеобщий ропот перерос в мятеж. Артабан, князь из дома Аршакидов и царь Мидии, был призван и возглавил недовольных. Произошло два сражения: в первом победил Вонос, но во втором потерпел полное поражение и был вынужден бежать в Армению, которая, казалось, ждала его.

Там трон был вакантен. Ариобарзан, назначенный царём армянам Гаем Цезарем, внуком Августа, умер через несколько лет, и его потомки не смогли удержать власть. Армяне попробовали править под властью женщины по имени Эрато, но вскоре, устав от этого, изгнали её, так что теперь у них не было ни свободы, ни господина. В этой ситуации прибытие Воноса было встречено с радостью, и его провозгласили царём. Однако Артабан преследовал соперника и грозил войной. Армения же не могла собственными силами противостоять парфянам, а осторожная и недоверчивая политика Тиберия, взявшего тогда бразды правления Римской империей, не позволяла начать против них войну. Проконсул Сирии Силан Кретик пригласил Вонона к себе и, заполучив его в свои руки, окружил стражами, оставив ему лишь титул и внешние атрибуты царского достоинства. Артабан посадил на армянский трон своего сына Орода. Эти события в Парфии и Армении Тацит относит к предыдущему году.

В этот период Каппадокия также пережила переворот, инициатором которого стал Тиберий. Архелай, потомок древнего Архелая, полководца Митридата, правил там уже пятьдесят лет. Он получил это царство благодаря щедрости Антония и оставался верным своему благодетелю даже после битвы при Акции. Подтверждённый Августом во владении своими землями, он вёл себя так, чтобы не вызывать подозрений у римлян. Однако он оскорбил Тиберия, не оказав ему никаких знаков внимания во время его пребывания на Родосе. Это было сделано из политических соображений, а не из высокомерия: друзья при дворе Августа предупредили его, что внук императора, Гай Цезарь, обладает там огромным влиянием, и в таких обстоятельствах опасно демонстрировать связь с Тиберием.

Тиберий был тем более задет равнодушием и холодностью Архелая, что этот правитель был ему обязан. Когда против Архелая выдвинули обвинение перед Августом, Тиберий выступал в его защиту.

Достигнув верховной власти, он не счёл ниже своего достоинства отомстить за обиды, нанесённые пасынку Августа. Он даже прибег к хитрости против столь слабого врага, и его мать Ливия участвовала в этом заговоре. Она написала царю Каппадокии, приглашая его в Рим просить милости у её сына, не скрывая его недовольства, но обнадёживая надеждой на прощение.

Архелай либо не разгадал обман, либо испугался насилия, если бы проявил недоверие. Он прибыл в Рим, где столкнулся с непреклонностью императора и обвинением в мятежных замыслах, выдвинутым против него в сенате. Ему нетрудно было бы опровергнуть надуманные обвинения, но царям тяжело переносить равенство, не говоря уже о том, чтобы смириться с унижительным положением обвиняемого и просителя. Архелай впал в уныние; к тому же он был уже очень стар, и эти два обстоятельства привели его к смерти – или заставили покончить с собой без особых сожалений.

Тиберий добился сенатского указа о присоединении Каппадокии к Римской империи. Чтобы прикрыть свою несправедливость по отношению к Архелаю благовидным предложением общественного блага, он заявил, что доходы от новой провинции позволят сократить вдвое налог в один процент, на который народ безуспешно жаловался двумя годами ранее.

Два других небольших царства в тех же краях – Коммагена и Киликия – лишились своих царей, Антиоха и Филопатора, примерно в то же время. Между знатью и народом начались раздоры: аристократия желала римского владычества, надеясь, вероятно, на большее продвижение и богатство, а простой народ предпочитал привычное правление своих царей.

Кроме того, провинции Сирия и Иудея, обременённые налогами, требовали облегчения.

Все эти восточные дела дали Тиберию предложение, который он искал, чтобы удалить Германика от рейнских легионов, преданных ему, и отправить в далёкие земли, где тысячи случайностей могли погубить его, а покушения на его жизнь легче было скрыть.

В сенате он изложил всё вышеописанное и добавил, что только мудрость Германика способна уладить эти зарождающиеся беспорядки. Что же касается его самого, то возраст уже не позволял ему легко отправляться в столь отдалённые страны, а его сын Друз был ещё слишком молод и неопытен. Германику было поручено командование всеми заморскими провинциями с властью, превышающей полномочия проконсулов и пропреторов, управлявших отдельными регионами от имени сената или принцепса.

Это назначение было почётным – подобные должности занимали в своё время Помпей, а затем Брут и Кассий. Но Тиберий подготовил Германику противника в лице Гнея Пизона, которого назначил наместником Сирии. Он отозвал Кретику Силана, который вот-вот должен был породниться с Германиком через брак своей дочери с Нероном, старшим сыном принца. Пизон, сменивший его, был человеком надменным, властным, необузданным и не признававшим чужого авторитета. Эти качества он унаследовал от отца, о котором уже упоминалось, а его гордыня ещё более усилилась благодаря браку с Планциной, чьё высокое происхождение (она была потомком знаменитого Планка) подкреплялось огромным богатством.

Пизон считал, что даже Тиберию он едва ли обязан уступать, а уж сыновья императора и вовсе были, по его мнению, ниже его. Он знал, что поставлен на эту должность, чтобы противостоять Германику и обуздать его стремительное возвышение, казавшееся Тиберию слишком амбициозным. Некоторые полагали, что Пизон получил на этот счёт тайные указания; Тацит утверждает как несомненный факт, что Ливия наставляла Планцину дразнить Агриппину, держаться с ней на равных и не упускать случая унижить её.

Таковы были интриги при дворе, расколотом между сторонниками Германика и Друза. Тиберий, естественно, поддерживал сына. Но Германик, и сам по себе весьма симпатичный, вызывал ещё большее расположение у большинства римлян из-за неприязни к нему дяди. Кроме того, он превосходил Друза знатностью материнской крови, будучи по матери внуком Антония и правнуком Августа, тогда как Друз происходил от простого римского всадника Аттика, чьё имя казалось недостойным рядом с именем Клавдиев. Наконец, Агриппина легко затмевала Ливиллу, жену Друза, славой своей плодовитости и безупречной добродетельностью.

Но что особенно примечательно и делает честь обоим молодым принцам, так это то, что, несмотря на бурлящие вокруг них интриги, они сохраняли спокойствие, жили в полном согласии и не участвовали в распрях и заговорах окружающих.

Их единодушие проявилось в одном деле, которое не имело бы большого значения, если бы не комментарии Тацита. После смерти претора Випсания Галла Гетерий Агриппа выдвинул свою кандидатуру на освободившееся место. За него ходатайствовали Германик, с которым он состоял в родстве, и Друз. Однако закон был против него, предписывая отдавать предпочтение кандидату с наибольшим числом детей. Возник спор, и Тиберий с удовольствием наблюдал, как сенат разрывается между его сыновьями и законом. Закон в конце концов был нарушен, но не без борьбы, и влияние возобладало с минимальным перевесом – как бывало в те времена, когда законы ещё что-то значили.

Германик отправился на Восток лишь в конце года – в путешествие, которое стало для него роковым. Чтобы не прерывать повествование, я здесь изложу все события, совпадающие по времени с этим печальным путешествием, но не связанные с ним.

В Малой Азии произошло ужаснейшее землетрясение, какое только сохранилось в памяти человечества. В одну ночь двенадцать знаменитых городов были разрушены, причем невозможно было предвидеть столь страшного бедствия. Множество жителей, несомненно, оказались погребенными под развалинами, перейдя без промежутка от сна к смерти, а те, кто избежал этой участи, лишились обычного в таких случаях спасения – бегства в открытое поле, ибо земля разверзлась у них под ногами и поглощала их. Высокие горы опускались, долины поднимались и становились горами, и среди этого всеобщего смятения огонь, вырвавшийся из бездны, еще более увеличивал ужас и опасность.

Несчастные азиаты нашли облегчение своих страданий в щедрости принцепса. Сарды пострадали сильнее других. Тиберий пообещал дать сардийцам десять миллионов сестерциев и освободил их от всех податей на пять лет. Остальные города получили такую же льготу и денежные пособия, соразмерные их потерям. Для обеспечения справедливого распределения помощи и отдачи всех необходимых распоряжений в столь бедственном положении на место был послан сенатский комиссар, причем его выбрали из числа бывших преторов, а не консуляров, так как Азией управлял консулярий, и опасались, что соперничество и зависть, так легко возникающие между людьми одного ранга, могут повредить делу помощи народу. Эта щедрость доставила Тиберию великую славу, и города Азии, желая увековечить память о ней, отчеканили по этому случаю медали, некоторые из которых сохранились до наших дней.

Этот принцепс отлично знал путь к славе и в то же время совершил несколько других щедрых поступков, которые, хотя и не были столь блистательны, поскольку касались частных лиц, тем не менее принесли ему немало чести. Богатая женщина по имени Эмилия Муза, умершая, не оставив определенного наследника и не составив завещания, имела в лице прокураторов фиска, всегда алчных людей, претендентов на свое имущество, как на выморочное. Тиберий прекратил их притязания и передал наследство Эмилию Лепиду, к роду которого, по видимому, принадлежала эта женщина. Некто Патулей, богатый римский всадник, назначил Тиберия наследником половины своего состояния, но принцепс, узнав, что по более раннему завещанию Патулей оставил все свое имущество Марку Сервилию, велел исполнить первое завещание. Лепид и Сервилий были людьми знатного происхождения, но небогатыми, и Тиберий заявил, что рад помочь им поддержать свою знатность. Вообще он принимал завещанные ему имущества только от тех, с кем его связывала дружба. Что же касается незнакомцев, которые из ненависти к своим близким и с целью лишить их наследства завещали свое имущество принцепсу, то он с негодованием отвергал такие завещания.

В то время как он считал своим долгом помогать выдающимся людям, впавшим в нужду не по своей вине, он сурово обращался с моттами, разорившимися из-за своих пороков: Тацит называет пятерых сенаторов, которых он разжаловал или побудил добровольно выйти в отставку.

Тогда же он освятил несколько храмов, восстановление которых было начато Августом и завершено им самим. Это было еще одним средством угодить римлянам, весьма чувствительным к украшению своей столицы.

Можно приписать всеобщему удовлетворению, вызванному этими похвальными действиями Тиберия, желание сената назвать ноябрь месяцем его имени, так как он родился в этом месяце, подобно тому как два других месяца года уже носили имена Юлия Цезаря и Августа. Тиберий, презиравший лесть, отшутился по поводу этого предложения, сказав метко и остроумно: «Что вы будете делать, сенаторы, если у вас окажется тринадцать Цезарей?»

Среди столь многих поводов для радости возобновился ужас перед обвинениями в оскорблении величества. Апулея Варилла, внучатая племянница Августа, была предана сенату как виновная в этом преступлении за оскорбительные речи против Августа, Тиберия и Ливии, а также за то, что, будучи родственницей Цезарей, она опозорила их дом своим поведением, совершив прелюбодеяние.

Тиберию было достаточно начать такого рода процесс. Впрочем, поначалу он старался выказать большую умеренность. Поэтому он мягко обошелся с делом Вариллы. Он заявил, что если она была настолько нечестива, чтобы нарушить уважение к памяти Августа, то ее следует осудить, но что он не хочет, чтобы принимали во внимание то, что касалось его лично. Когда претор спросил его, как следует поступить относительно Ливии, он ничего не ответил сразу и дождался следующего заседания, на котором от имени своей матери просил сенат не считать преступлением чьи-либо нападки на нее, выраженные в простых словах. Таким образом, Варилла была освобождена от обвинения в оскорблении величества. Что же касается прелюбодеяния, то он потребовал смягчить для нее строгость законов. Ее передали родственникам, которые удалили ее на двести миль от Рима. Манлий, ее соблазнитель, был изгнан из Италии и Африки.

В этом году литература потеряла двух знаменитых писателей – Тита Ливия и Овидия. Историк, столь же серьезный и рассудительный, сколь и красноречивый, умер спокойно и почитаемый в своем родном городе Падуе; распутный поэт погиб в изгнании в Скифии, после того как в течение почти восьми лет истощил все, что ум и чувство могли подсказать ему в виде смиренных и настойчивых просьб, жалобных стенаний, но так и не смог добиться отзова ни от Августа, ни от Тиберия.

Друз получил такое же поручение, как и Германик, – отправиться командовать в Иллирию. Тиберий желал, чтобы его сын научился военному делу, снискал любовь солдат и, вместо городских удовольствий, которые его развращали, привык к тяготам военной службы, способным укрепить его тело и дух. С этой целью он воспользовался случаем, который представили ему раздоры среди германцев. Свевы, подвластные Марободу, отправили в Рим просить помощи против херусков, и Друзу было приказано отправиться к иллирийским легионам – не для того, чтобы вмешиваться в войны между германскими племенами, но чтобы разжигать их раздоры и тем самым обеспечить спокойствие провинций империи.

Внутренние раздоры начались, как и предвидел Тиберий, с того момента, когда германцы перестали тревожиться римлянами. Неспособные оставаться в покое, жаждущие движения и войны, они, движимые соперничеством за славу, – и вожди, и народы, – обратили оружие друг против друга. Маробод и Арминий видели в себе соперников и ожесточенно стремились уничтожить один другого. Но имя царя делало первого ненавистным; Арминий же, сражаясь за свободу, пользовался всеобщей симпатией. Поэтому не только его соплеменники-херуски и их союзники последовали за ним в этой войне, но к нему перешли также семноны и лангобарды, народы, подвластные его врагу. Это усиление склонило бы чашу весов на его сторону, если бы Ингвиомер не восстановил равновесия, покинув его и присоединившись со всеми своими вассалами и клиентами к Марободу. Единственной причиной этого позорного дезертир-

ства была досада и зависть: дядя, уже в годах, не мог смириться с тем, чтобы принимать приказы от племянника, еще цветущего юностью.

Войска выстроились для битвы, и каждый из полководцев перед схваткой воодушевлял своих воинов красноречивыми речами. Арминий восхвалял свои подвиги – разгром Вара и истребление трех легионов, изгнание римлян, защиту свободы Германии против угнетателей вселенной. В то же время он унижал Маробода, изображая его трусом, который никогда не осмеливался сразиться с римлянами и который своим союзом с ними сам объявил себя предателем общего отечества.

Маробод не уступал противнику ни в дерзости, ни в оскорбительных упреках. Он называл Арминия безумным юнцом, который нагло превозносил единственную победу, достигнутую благодаря внезапности, ставшую источником бедствий для Германии и позора для него самого, ведь его жена и сын теперь томятся в плену в Италии. Всю славу великих деяний херусков против римлян он приписывал Ингвиомеру, своему новому союзнику. Затем, переходя к своим собственным подвигам, он превозносил величайшими похвалами честь, которую стяжал, противостоя двенадцати легионам под командованием Тиберия, так и не сумевшим сломить его. И далеко не стыдясь соглашения с римлянами, он гордился им как актом мудрой политики, оставлявшей ему полную свободу вести с ними войну или мир по своему усмотрению.

Сражение шло не только с мужеством, но и в полном порядке. Германцы, воюя против римлян, научились исправлять беспорядочные порывы варварской храбрости и хаос, царивший прежде в их битвах. Теперь они умели следовать за знаменами, вовремя вводить резервы и повиноваться командирам. После долгого и упорного боя победа осталась нерешенной: у каждой армии одно крыло было разбито, а другое одержало верх. Однако Маробод отступил на возвышенность, и этим робким шагом он как бы признал себя побежденным. Его войска истолковали это именно так: дезертирство стало частым, и царь свевов, опасаясь полного развала, ушел в центр своих владений – в Богемию. Оттуда он отправил просьбу о помощи к Тиберию. Император ответил, что Маробод не вправе призывать римлян против херусков, ведь он ничем не помог им в войне против этих самых народов. Тем не менее, как я уже говорил, он отправил Друза в Иллирию, поручив ему поддерживать мир в этой провинции и не допускать проникновения туда войны.

Молодой принц полностью понял замыслы отца. Он взялся разжигать раздоры среди германцев и действовал так искусно в течение двух лет, что в конце концов добился окончательного падения Маробода, уже ослабленного прежними неудачами. Для этого он использовал молодого вельможу из племени готонов по имени Катувальда, изгнанного из своей страны насильем Маробода и теперь, видя его в беде, стремившегося отомстить. Воодушевленный Друзом, Катувальда собрал войско, вторгся с оружием в землю маркоманов и, привлекая на свою сторону знатнейших людей племени, штурмом взял царский город Маробода и соседнюю крепость, служившую ему цитаделью. Добыча была велика, так как там хранились все богатства, награбленные свевами у соседних народов. Тацит замечает, что там оказалось также немало маркитантов и купцов из провинций Римской империи, которых надежда на прибыль завела в варварские земли и которые привыкли считать своей родиной место, где хорошо торговали.

Марбод, лишенный трона, без войск, без владений, не имел иного выхода, кроме милости римского императора. Он поставил между собой и своими врагами Дунай и из провинции Норик написал Тиберию – не как беглец или проситель, но тоном, напоминавшим о его прежнем величии. Он заявил, что, хотя многие народы приглашали его, спеша предложить убежище некогда могущественному и славному царю, он предпочел дружбу римлян. В ответ ему было сказано, что он найдет безопасное и почетное убежище в Италии, с правом покинуть его, если того потребуют его дела.

Тиберий был в восторге, что уничтожил великого царя, не обнажив меча. Он похвалялся этим в сенате как славным подвигом, превознося могущество Марбода, обширность

земель, ему подвластных, и опасность, которой он так долго угрожал Италии, с самодовольством подчеркивая мудрость средств, использованных для его низвержения. Он предоставил этому князю для проживания город Равенну, где его показывали свевам как пугало на случай, если те возгордятся и задумают восстание. Но за восемнадцать лет, которые Марбод еще прожил, он так и не покинул Италию. Он состарился в покое, утратив большую часть своей славы из-за привязанности к жизни, что у древних считалось малодушием.

Катуальда, виновник или орудие его падения, вскоре испытал ту же участь. Изгнанный гермундурами, он также обратился к римлянам и был отправлен в Фрежюс.

Оба они привели с собой множество соплеменников, которых сочли неудобным оставить при них. Опасаясь беспорядков в пределах империи от этих скоплений неукротимых и беспокойных варваров, их переселили за Дунай, между реками Марус и Кусус, поставив над ними царем Ванния из племени квадов.

Арминий в это время достиг вершины славы. Он противостоял всей мощи римлян. Он победил и изгнал Марбода – единственного соперника, которого ему приходилось опасаться в Германии. Триумфатор и кумир, он мог лишь наслаждаться добровольными почестями, которые привлекали к нему восхищение и благодарность. Но ослепленный блеском своего величия, он допустил в сердце несправедливые притязания: после многих лет защиты свободы соплеменников он захотел стать их угнетателем и подчинить их своей власти. Эта перемена поведения изменила отношение к нему германцев. Они взяли за оружие, и между защитниками свободы и сторонниками Арминия произошло несколько сражений. Однако сила была не самым страшным его врагом. К делу примешалась измена: Адгандестрий, князь хаттов, написал в Рим, предлагая умертвить Арминия, если ему пришлют яд. Его письмо было зачитано в сенате, но Тиберий отверг предложение, заявив, что римский народ не прибегает к гнусным методам обмана и отравлений, а побеждает врагов мечом и в честном бою.

Эта великодушная (или показная) позиция Тиберия не спасла Арминия: вскоре он пал жертвой заговора своих близких. «Он, несомненно, заслужил титул освободителя Германии, – пишет Тацит, – и его подвиги выделяются даже на фоне самых знаменитых врагов Рима, ведь он осмелился напасть на римский народ в зените его могущества. Иногда побежденный, иногда побеждающий в отдельных битвах, он так и не был покорен. Он прожил всего тридцать семь лет, двенадцать из которых провел в славе, возглавляя германский союз. Варвары и поныне воспевают его в своих песнях. Греки, чтящие лишь свою нацию, его почти не знают. Даже мы, римляне, не воздали ему должного, ибо восхищаемся лишь древними подвигами, а к недавним остаемся равнодушны».

Смерть Арминия окончательно успокоила Тиберия в отношении Германии: лишившись своего героя, та долгое время не предпринимала ничего, довольствуясь свободой и миром, которые ей оставили римляне. Это вполне устраивало Тиберия, стремившегося прежде всего предотвращать волнения и сохранять установившееся спокойствие. Руководствуясь этим принципом, он тщательно подавлял любые ростки раздоров и войн в союзном Фракийском царстве, прибегая к излюбленным методам – хитрости и коварству.

После смерти Реметалка, царя Фракии и друга Рима, Август разделил его владения между его братом Рескупоридом и сыном Котисом. Характеры этих князей были совершенно противоположны: Рескупорид, вспыльчивый, надменный и жестокий, во всем проявлял варварские наклонности, тогда как Котис, кроткий и умеренный, был даже образован в литературе – настолько, что сочинял латинские стихи, которые Овидий хвалит в письме к нему из ссылки.

Наделы, доставшиеся им при разделе наследства Реметалка, соответствовали их вкусам: плодородные земли, города и области, граничащие с Грецией, отошли к Котису, тогда как его дядя получил дикие, необработанные земли, соседствующие с свирепыми племенами и постоянно страдающие от их набегов.

Рескупорис, жадно и несправедливо, пожирал своими желаниями богатые и приятные владения своего племянника. Однако, пока Август был жив, страх перед этим императором, который разделил их владения, удерживал его в узде или, по крайней мере, мешал ему заходить слишком далеко в своих несправедливостях. Как только он узнал о его смерти, вообразив, что его преемник не проявит такого же интереса к делу, он сбросил маску, вышел за пределы, обозначенные для него, и попытался захватить некоторые территории, переданные Котису. А когда тот оказал сопротивление, Рескупорис прибег к насилию: отправил отряды разбойников опустошать земли Котиса, захватил и разграбил несколько крепостей, и в конце концов ему удалось развязать войну.

При первых же слухах об этих событиях Тиберий встревожился и поспешно отправил центуриона к обоим царям с приказом сложить оружие и уладить разногласия мирным путем. Котис подчинился и распустил войска, которые уже собрал. Рескупорис, притворяясь, что разделяет намерения императора, предложил племяннику встретиться для мирного урегулирования спора. Место и время встречи были быстро согласованы, а затем и условия примирения, поскольку оба князя ни в чем не отказывали друг другу – один из-за своей уступчивости, другой из-за коварства.

Когда договор был заключен, Рескупорис заявил, что хочет скрепить примирение совместной трапезой. И пока вино, угощение и веселье пира внушали молодому князю роковую беспечность, предатель схватил его. Несчастный Котис напрасно взывал к священным правам царского величия, к богам, карающим за нарушение родственных уз и гостеприимства – его заковали в цепи и увезли. Рескупорис написал Тиберию, что, узнав о заговоре племянника против него, был вынужден опередить его. А тем временем, под предлогом войны против скифов и бастарнов, он усилил свои войска новыми наборами пехоты и конницы.

Тиберий не обманулся пустыми оправданиями этого варвара, но войны он не хотел. Поэтому вместо того, чтобы карать Рескупориса силой оружия, он ответил, что если тот не виновен в обмане, его невиновность будет ему защитой. Но невозможно судить, кто прав, а кто виноват, пока дело не рассмотрено; поэтому пусть он освободит Котиса и явится в Рим для оправдания. Это письмо император отправил пропретору Мезии Латиннию Панду, который переслал его во Фракию с солдатами, поручив им забрать Котиса у его дяди и доставить обратно.

Рескупорис некоторое время колебался между страхом и злобой. Наконец, он принял решение: раз уж ему предстояло отвечать за обвинение, он предпочел завершить преступление, чем оставить его незавершенным. Он приказал убить Котиса и распустил слух, что молодой князь покончил с собой.

Любой другой на месте Тиберия взорвался бы. Но он остался холоден и продолжал свою линию хитрости и притворства. А поскольку Латинний, которого Рескупорис считал своим врагом, к тому времени умер, Тиберий передал управление Мезией Помпонию Флакку, старому воину, который был тем более удобен для обмана фракийского царя, что состоял с ним в тесной дружбе. Эта дружба, без сомнения, зародилась во время кампаний, где Рескупорис служил в римских войсках как союзник, а вино стало ее скрепой. Флакк, известный любитель выпить, в этом отношении идеально подходил фракийцу.

Новый правитель Мезии явился к Рескупорису и, осыпая его самыми лестными обещаниями, убедил его, несмотря на угрызения совести из-за своих преступлений, войти в римский лагерь. Едва фракийский царь ступил туда, как его окружили – якобы для почестей – отрядом отборных солдат. Офицеры, уговаривая и подталкивая его, заставили его продвигаться все дальше, пока, видя, что он полностью оторван от своих, не объявили его пленником и не повезли в Рим.

Там он предстал перед сенатом, обвиненный вдовой Котиса, и был осужден. Его лишили власти и изгнали из его царства, но владения сохранили за его сыном Реметалком, невинов-

ным в преступлениях отца. Дети Котиса, оставшиеся малолетними, получили назад отцовские земли, а пока они не могли править самостоятельно, их опекуном и регентом царства был назначен бывший претор Требеллиен Руф – подобно тому, как когда-то Марк Лепид выполнял ту же роль для Птолемея Эпифана, царя Египта.

Рескупориса отправили в Александрию, где его казнили по обвинению – истинному или ложному – в попытке бегства.

В том же 770 году (17 г. н.э.) распущенность нравов, достигшая в Риме крайних пределов, привлекла внимание принцепса и сената и вызвала постановления, которые показывали масштаб бедствия по суровости мер. Страсть к зрелищам среди молодежи была так сильна, что сыновья всадников и сенаторов, чтобы получить право выступать на сцене или сражаться как гладиаторы на арене, добровольно добивались позорного приговора судьи, который, клеймя их, освобождал от приличий, требуемых их положением. Женщины придумали похожую уловку для еще более постыдной цели.

Было древним обычаем, что куртизанки, чтобы безнаказанно заниматься своим грязным ремеслом, записывались в списки, которые вели эдилы. Считалось, что позор публичного признания удержит хотя бы тех, кто не принадлежал к низшим слоям. Но разврат сломал эту преграду. Знатные дамы сочли, что не слишком дорого платят за свободу бесчинств, подчинившись позору официального заявления перед магистратами. Тацит особо упоминает Вистилию, среди предков которой были преторы и чей муж, по-видимому, был сенатором.

Такие крайности нельзя было терпеть. Тиберий добился сенатского постановления, запрещавшего позорное ремесло куртизанки всем женщинам, чьи дед, отец или муж были римскими всадниками. Вистилия и другие подобные ей были сосланы и заточены на островах, как и те безумные юноши, которым страсть к зрелищам заставила искать позорного клейма.

Титидий Лабеев, муж Вистилии, был допрошен о своем бездействии в отношении непристойного поведения жены, и ему задали вопрос, почему он не воспользовался против нее властью, которую давал ему закон. Он ответил, что шестьдесят дней, предоставленных мужу для размышления и подачи иска, еще не истекли. Этого оправдания сочли достаточным. Но чтобы предотвратить безнаказанность разврата среди женщин, было решено, что если не найдется обвинителя, который преследовал бы в суде виновных в прелюбодеянии, то собрание родственников, по древнему обычаю, будет судить их и назначать заслуженные наказания.

Среди причин, питавших это ужасающее разложение нравов, следует упомянуть и суеверия, занесенные из чужих земель. Историк Иосиф Флавий приводит доказательство в деле римского всадника Мунда, который, не сумев соблазнить ни подарками, ни обещаниями добродетельную Паулину, знатную римскую матрону, добился своих преступных целей через жрецов Исиды. Те убедили Паулину, что их бог Анубис воспылал к ней любовью. Этот скандальный случай вызвал большой резонанс, и по этому поводу были возобновлены старые указы против египетских религиозных обрядов, запрещенных в Риме. Виновные жрецы были распяты, храм Исиды разрушен, а её статую бросили в Тибр.

Евреи, жившие в Риме, навлекли на себя подобную немилость из-за преступления иного рода. Четверо негодяев из этого народа, притворно выказывавшие рвение в распространении своей веры, обратили в неё знатную женщину по имени Фульвия. Их «рвение» было направлено лишь на её богатства. Они уговорили её отдать им золото и пурпурные одежды – якобы для отправки в Иерусалимский храм. Но добыча пошла в их карманы. Муж Фульвии, узнав об обмане, пожаловался императору, и тот сенатским указом запретил исповедовать иудейскую религию в Риме, изгнав из города всех, кто не откажется от неё. Четыре тысячи евреев были зачислены в войска и отправлены на Сардинию для борьбы с разбойниками, опустошавшими остров грабежами и набегами. Воздух там был вреден для здоровья, что было известно заранее, и если бы эти евреи погибли, их потеря не вызвала бы особых сожалений.

В то же время решался вопрос о выборе новой весталки на место Окции, которая исполняла жреческие обязанности в течение пятидесяти семи лет, стяжав славу своей добродетелью. Мы уже отмечали, что Август порой затруднялся найти кандидаток для коллегии весталок. Тиберий же столкнулся лишь с проблемой выбора между двумя. Фонтей Агриппа и Домиций Поллион наперебой предлагали своих дочерей. Император поблагодарил их за рвение в служении религии и республике. Дочь Поллиона была выбрана лишь потому, что он не разводился с женой, тогда как Фонтей расстался со своей. Однако отвергнутая девушка не осталась без награды: Тиберий назначил ей приданое в миллион сестерциев.

Плиний упоминает о новом острове, появившемся 8 июля этого года в Архипелаге. Подобные явления время от времени случаются в этих водах, где под морской поверхностью скрываются вулканы, чьи мощные извержения порождают скалы, а иногда и поглощают их.

Теперь я возвращаюсь к Германику, чтобы сразу перейти к рассказу о его путешествии на Восток и смерти.

Примечания:

[1] СЕНЕКА, «Письма», 70.

[2] Тацит не уточняет, кем был этот брат обвиняемого. Липсий полагает, что это был Луций Скрибоний Либон, ординарный консул этого года; но учёный Рийкиус придерживается иного мнения.

[3] Поскольку у Сенеки эта дама названа лишь как тётка Либона, маловероятно, что она – та самая Скрибония, жена Августа и мать Юлии.

[4] СЕНЕКА, «Письма», 70.

[5] Ныне Монте-Арджентарио, близ Порто-Эрколе в Тоскане.

[6] ПЛИНИЙ, VII, 48. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, VIII, 13.

[7] ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, III, 5.

[8] Сто двадцать пять тысяч ливров.

[9] В «Фастах» упоминаются лишь два консула и один диктатор из рода Гортензиев. Диктатор, назначенный в 466 году от основания Рима, вернул народ с Яникула, куда тот удалился. Из двух консулов один, избранный в 644 году, умер до вступления в должность; другой – знаменитый оратор. Но Гортал, говоря так, вероятно, учитывал родственные связи своего дома.

[10] Двадцать пять тысяч ливров.

[11] Этот возраст не подходит сыну Арминия, который родился в Италии во время пленения его матери. Следует предположить, что либо у Арминия было два сына, взятых римлянами в плен, либо Страбон ошибочно указал возраст того, кого провели в триумфе.

[12] Марцелл был братом Антонии, матери Германика.

[13] Тридцать семь ливров десять су.

[14] В тексте Тацита здесь стоит имя Цезаря, которое могло относиться как к Тиберию, так и к Августу. Однако неясность устраняется отрывком из XII книги «Анналов» (гл. II), где Клавдий прямо говорит, что Август дал парфянам царя. Этим царём мог быть только Вонон.

[15] См. том I, «Август», книга I, 729 год от основания Рима.

[16] ТАЦИТ, «Анналы», II, 51.

[17] «Величайшее из землетрясений в памяти человеческой». ПЛИНИЙ, II, 83. С тех пор, как Плиний писал это, не известно, было ли землетрясение, которое заставило бы уточнить его слова.

[18] 1 250 000 ливров (по нашей монете) = 2 045 800 франков согласно расчётам г-на Летронна.

[19] Как уже говорилось ранее (книги II и III), Маробод переселил в Богемию маркоманов, своих соплеменников, и некоторые другие племена свевов.

[20] Эти народы жили недалеко от Балтийского моря, к западу от Вислы.

[21] Племена, обитавшие между Дунаем и Заале.

[22] То есть, по Целларию, в Верхней Венгрии, между рекой Марх (граничащей с Моравией) и Вагом.

[23] ТАЦИТ, «Анналы», II, 65.

[24] ОВИДИЙ, «Понтийские послания», II, 9.

§ II. Германик отправляется на Восток

Германик покинул Рим и Италию в консульство Целия Руфа и Помпония Флакка. Он отправился через Адриатическое море и, проплывая вдоль побережья Далмации, встретился с Друзом, который, как я уже упоминал, был направлен туда в связи с войной между Арминием и Марободом. Затем, следуя вдоль Иллирии, он прибыл в Никополь в Эпире, близ Акция, где вступил во второе консульство, в котором его коллегой был Тиберий.

Тиберий Цезарь Август (III) – Германик Цезарь (II). Год от основания Рима 769. От Р. X. 18.

Плавание Германика было трудным и опасным, что вынудило его задержаться в Никополе на некоторое время, пока его флот, сильно пострадавший, ремонтировали. В этот промежуток он воспользовался возможностью осмотреть места, прославленные победой, которая сделала Августа властелином Римской империи. Он осмотрел мыс и залив Акция, памятники, воздвигнутые победителем, лагерь побеждённого – всё это напоминало ему о его предках. Ведь он был внуком Антония и правнуком Августа, так что во всём, что он видел, находил поводы и для радости, и для скорби.

Затем он снова отплыл и, прибыв в Афины, выразил уважение к этому древнему и славному городу, войдя в него без пышности, в сопровождении лишь одного ликтора. Афиняне же старались оказать ему самые изысканные почести, приукрашивая свои льстивые речи воспоминаниями о славе предков.

Из Афин он отправился в Эвбею, а оттуда – на Лесбос, где Агриппина родила дочь, названную Юлией, последним из их детей. Германик продолжил путь через Геллеспонт, посетил города Перинф и Византий во Фракии, прошёл Босфорский пролив и достиг входа в Понт Эвксинский, удовлетворяя своё любопытство и похвальное желание увидеть воочию то, что он знал лишь понаслышке. Эти путешествия благородного принца приносили пользу народам: везде, где он проезжал, он восстанавливал порядок и спокойствие в провинциях, измученных внутренними раздорами или несправедливостью магистратов.

На обратном пути он намеревался посетить остров Самофракию, знаменитый на весь мир своими мистериями, но северные ветры помешали ему, и он вновь направился вдоль побережья Азии, осмотрел руины Илиона и истоки римского имени, после чего прибыл в Колофон, чтобы обратиться к оракулу Аполлона Кларосского.

Тацит в связи с этим рассказывает об особенном ритуале этого оракула, где, в отличие от Дельф, пророчествовал не женщина, а жрец, избираемый из определённых местных семей, обычно милетского происхождения. Жрецу сообщали лишь число и имена вопрошающих, после чего он спускался в пещеру, пил воду из таинственного источника и, вдохновлённый ею, – хотя сам был неучёным и не знал поэзии – давал ответы в стихах на темы, волновавшие каждого. Разумеется, такая процедура требовала участия храмовых служителей, и можно догадаться, что они не оставались в стороне. После смерти Германика утверждали, будто оракул предрёк её, но до события никто об этом не подозревал.

Тем временем Гней Пизон, которому было поручено всячески противодействовать и досаждать Германику, начал свою гнусную миссию в Афинах. Он вступил в город с таким шумом, что посеял смятение и страх, и обратился к народу с речью, полной оскорбительных намёков, косвенно обвиняя Германика в том, что он уронил славу римского имени, оказывая благосклонность и уважение не афинянам (которых уже несколько веков как не существовало), а сброду из разных народов, союзникам Митридата против Суллы и Антония против Августа. Он даже вернулся к прежним временам, чтобы упрекнуть их в слабых успехах в войнах с Македонией и несправедливости по отношению к самым знаменитым из своих сограждан. Помимо мотива уязвить Германика, желчь Пизона разгорелась из-за личной неприязни к афи-

нянам, которые по его просьбе отказались восстановить в правах некоего Теофила, осужденного за подлог по приговору Ареопага.

После этого внезапного вторжения он уехал и, пересекая Киклады, добрался до Германика на Родосе. Этот принц знал, как Пизон вел себя в Афинах. Но он был настолько мягок, что, видя, что тот готов погибнуть во время бури, выбросившей его на рифы, вместо того, чтобы радоваться несчастью своего врага, который был избавлен случайно, без его вмешательства, он послал триремы ему на помощь и освободил его. Такое великодушие не произвело на Пизона никакого впечатления. Он пробыл у принца всего один день и покинул его, торопясь раньше него добраться до Сирии.

Как только он увидел себя во главе легионов, не было средства, которое он не использовал бы для их развращения: раздача денег, низкие и непристойные ласки, объявленное пристрастие к плохим подданным против хороших. Он сместил старых центурионов, трибунов, строго следивших за дисциплиной, и заменил их своими клиентами или теми, кто добился расположения толпы самыми нестандартными способами. Он разрешил солдатам безделье в лагере, разврат в городах, беготню и жадность к грабёжам в сельской местности: словом, стараясь льстить всем наклонностям этого сброда, он добился своей цели – заставил их полюбить его; и теперь его называли не иначе как отцом легионов.

Планцина отлично помогала ему; забывая приличия, подобающие её полу, она присутствовала на военных учениях, появлялась во главе эскадронов и когорт, произносила оскорбительные речи против Германика и Агриппины; и среди солдат даже некоторые из тех, кто дорожил долгом, потворствовали желаниям Пизона и Планцины, потому что ходил глухой слух, что они действуют не без одобрения императора.

Какую бы сильную досаду ни вызывали у Германика эти недостойные махинации и как бы ни стремился он положить им конец, он поставил выше службу принцепсу и республике и направил свои стопы в сторону Армении. Ород, поставленный царём этой страны своим отцом Артабаном после бегства Вонона, либо уже удалился, либо не оказал никакого сопротивления; и когда армянская корона вновь оказалась вакантной, Германик, следуя воле народа, отдал её Зенону, сыну Полемона, который под защитой римлян правил в части Понта и Киликии. Зенон с самого детства проявлял сильную склонность перенимать нравы и обычаи армян. Его явная любовь к охоте, вину и лошадям снискала ему сердца знати и простого народа. Так что с одобрения всей нации Германик возложил на него диадему в городе Арташате. Его новые подданные, воздавая ему почести, дали ему имя Артаксий, которое уже носили многие их цари.

Известие об этом акте верховной власти, осуществлённом Германиком в Армении от имени императора, достигло Рима примерно в то же время, что и весть об умиротворении волнений в Германии стараниями Друза. Обоим юным принцам было присуждено почётное ование, и по обеим сторонам храма Марса Мстителя воздвигли триумфальные арки с их статуями. Тиберий же находил больше славы в том, что укрепил мир мудростью своего правления, чем если бы одержал победы в открытых сражениях.

Германик также урегулировал дела Каппадокии и Коммагены, превратив обе, согласно постановлению сената, в римские провинции, облегчив народам часть податей, которые они платили своим царям, чтобы сделать их новое положение более приятным и приемлемым. Двое его друзей, Вераний и Сервей, были назначены наместниками – один в Каппадокию, другой в Коммагену.

Лёгкость, с которой Германик добивался успеха во всём, что входило в его миссию, нисколько не утешала его из-за дурного поведения Пизона, который ещё недавно, получив от него приказ привести или отправить под командованием своего сына часть легионов в Армению, не счёл нужным подчиниться. Эти вполне справедливые недовольства принца ещё больше раздражались речами его друзей, которые, по обычаю всех дворов, преувеличивали правду,

добавляли ложь и не упускали ни одного случая, чтобы выставить Пизона, Планцину и их сына ненавистными.

Германик был от природы мягок; политика же требовала от него скрывать свои чувства. Поэтому при первой встрече с Пизоном в сирийском городе Кире, где зимовал десятый легион, он держался так, чтобы не принять ни угрожающего вида, ни тона. Но сквозь осторожность его речей легко было разглядеть гнев; Пизон отвечал просьбами, в которых сквозила гордыня. Они расстались с взаимной ненавистью, хотя и не дошли до открытого разрыва. Пизон, который должен был присутствовать рядом с Германиком на суде, который тот проводил, появлялся там редко; а если уж и удостаивал своим присутствием, то вёл себя с вызывающей надменностью, давая понять, что будет противоречить во всём.

Он выказывал своё дурное расположение при каждом удобном случае. Когда царь набатеев на пиру, устроенном в честь Германика, поднёс ему и Агриппине золотые венки значительного веса, а Пизону и остальным гостям – лёгкие, тот обиделся на столь естественное и уместное отличие. Не осмеливаясь, однако, открыто проявить истинную причину своего недовольства, он придрался к роскоши пышного пира, который, по его словам, был приготовлен скорее для сына парфянского царя, чем для сына главы Римской республики. Он швырнул на пол свой венок и устроил ещё несколько выходов, которые Германик, тем не менее, терпеливо перенёс.

Между тем прибыли послы Артабана, царя парфян, чтобы возобновить союз с римлянами. Он выражал желание встретиться с Германиком и, желая почтить сына римского императора, заявлял о готовности приблизиться к берегам Евфрата. Истинный мотив всех этих проявлений дружбы и учтивости раскрывался в его последующей просьбе удалить Вонона из Сирии, откуда он мог поддерживать связи с парфянской знатью и нарушать покой в царстве.

Ответ Германика относительно союза между римлянами и парфянами был благороден и величествен, приправленный достоинством и скромностью в том, что касалось его лично. Он согласился на просьбу относительно Вонона и распорядился перевести его в Помпейю-поль в Киликии, не столько для того, чтобы удовлетворить Артабана, сколько чтобы унижить Пизона, чье расположение этот низложенный князь искал, оказывая внимание Планцине и осыпая её богатыми дарами.

Вонос погиб на следующий год, и здесь я расскажу о его смерти, чтобы завершить его историю. Устав от заточения, он подкупил стражу и попытался бежать в Армению. Его план состоял в том, чтобы добраться до Албании, а затем искать убежища и защиты у царя скифов, с которым его связывали кровные узы. Под предлогом охоты он углубился в горы и леса, а когда оказался вдали от преследователей, прищпорил коня и, благодаря резвости скакуна, быстро оторвался. Однако его остановила река Пирам: мосты через неё были разрушены при первых известиях о побеге, а вброд переправиться было невозможно. Там его настиг начальник конницы Вибий Фронтон, а вскоре разгневанный Ремний, которому было поручено его охранять, заколол его мечом. Это окончательно убедило всех в том, что между ними был стовор, и Ремний, опасаясь разоблачения своей связи с узником, решил убить его.

Нет сведений о том, чтобы смерть столь знатного князя была отомщена. Римляне всегда презирали царей, и те, кому не посчастливилось попасть к ним в плен, могли ожидать лишь самых унижительных обращений.

Консулы: М. Юний Силан и Л. Норбан Бальб Флакк. Год 770 от основания Рима (19 г. н. э.)

В консульство Юния и Норбана, чьи имена носит известный закон в римском праве, Германик отправился в Египет, чтобы изучить древности этой богатой чудесами страны, хотя официальным предлогом были нужды провинции. Действительно, по прибытии он снизил цены на хлеб, приказав открыть зернохранилища. Он также вёл себя крайне просто: ходил без охраны, носил греческую обувь и одежду, подражая Сципиону Африканскому, который так же

вёл себя в Сиракузах во время Второй Пунической войны. Сципиона за это осуждали некоторые, а Германика публично осудил в сенате Тиберий, хотя и не стал настаивать на этом. Гораздо серьезнее император отреагировал на то, что Германик отправился в Египет без его разрешения, нарушив прямой запрет Августа, касавшийся всех сенаторов и даже знатных всадников.

Нельзя отрицать, что Германик был виноват, особенно учитывая подозрительный характер принцепса, при котором он жил. Но прямота и чистота его намерений заставляли его действовать без опаски, и, не подозревая, что его путешествие вызовет неодобрение, он спокойно завершил его, поднявшись по Нилу от Канопы до Элефантины и Сиены под тропиком Рака. Я не буду повторять вслед за Тацитом описание достопримечательностей, поразивших Германика в Египте – они хорошо известны, и я мог бы лишь повторить то, что уже сказал г-н Роллен в начале своей Древней истории.

По возвращении из Египта в Антиохию Германик обнаружил, что все его гражданские и военные распоряжения были отменены, аннулированы или изменены противоположными указами. Он горько упрекнул в этом Пизона, который, в свою очередь, перестал сдерживаться. Дальнейшее совместное пребывание стало невозможным, и Пизон решил покинуть Сирию. Но когда он уже собирался уехать, Германик заболел, и это заставило его врага не спешить. Более того, Пизон позволил себе новые бесчинства. Когда состояние принца, казалось, улучшилось, и жители Антиохии готовились исполнить обеты, данные во время его болезни, Пизон явился с ликторами, разрушил жертвенный алтарь, унёс приготовленных для заклания животных, разогнал толпу, собравшуюся в праздничных одеждах, и после этого удалился в соседний Селевкию.

Однако Германик не выздоровел, и временное улучшение сменилось рецидивом. Болезнь, и сама по себе тяжёлая, усугублялась убеждённой болью, что Пизон его отравил. Находили и свидетельства колдовства: обугленные человеческие кости, закопанные и залитые густой чёрной кровью, магические заклятия, обращённые к богам преисподней, имя Германика, выгравированное на свинцовых пластинах. Даже тех, кого Пизон присылал справляться о здоровье принца, считали шпионами, следящими за развитием болезни.

Особенно эта последняя деталь вызывала у Германика одновременно гнев и страх. «Неужели, – говорил он, – мои враги будут осаждать мой дом и смотреть, как я испущу дух? Что будет с моей несчастной женой? Что станет с моими малолетними детьми? Яда им показалось мало – они спешат захватить провинцию и легионы. Но Германик ещё не настолько слаб, и убийца не обогатится за мой счёт!» Он тут же написал Пизону письмо, разрывая с ним всякую дружбу, и, вероятно, приказал ему покинуть провинцию. Пизон больше не медлил и отплыл, но намеренно двигался медленно, чтобы при первой же вести о смерти Германика вернуться в Сирию.

Удаление Пизона стало для Германика небольшим утешением, которое принесло ему некоторое облегчение и немного оживило его надежды. Но вскоре, сраженный болезнью и чувствуя, как силы покидают его, он велел приблизиться друзьям и в крайней муке, дыша лишь мстостью и не щадя даже богов, обратился к ним с такими словами:

«Если бы я умер естественной смертью, я имел бы право обвинить самих богов в несправедливости, ибо они преждевременно отнимают меня в юности у моих родителей, детей и отечества. Но я – невинная жертва ярости Пизона и Плантины, и потому заклинаю вас последними мольбами, которые вверяю вашим сердцам: поведайте моему отцу и брату о всех унижениях, которые я претерпел, и о гнусных кознях, приведших меня к гибели. Те, кого связывали со мной родство или мое положение, даже те, кто, быть может, завидовал мне, – все они содрогнутся от моего жребия и с горечью увидят, что в цветущем возрасте, после стольких войн, я пал жертвой женского коварства. Вам будет дозволено обратиться с жалобой в сенат и вызвать к закону. Главный долг друзей – не бесплодно оплакивать умершего, но помнить его волю и исполнить последний наказ. Даже те, кто не знал Германика, прольют слезы; вы же отомстите

за него, если дорожили мной, а не моим счастьем. Покажите римскому народу внучку Августа, мою супругу; пред глазами граждан явите мое многочисленное семейство – шестерых детей. Обвинители встретят всеобщее сочувствие, а если обвиняемые осмелятся ссылаться на преступные приказы, им либо не поверят, либо не простят.»

Произнеся это, Германик протянул руку друзьям, и те, сказав ее, поклялись скорее умереть, чем отказаться от справедливого возмездия.

Затем умирающий князь обратился к Агриппине, умоляя ее ради памяти столь любимого супруга, ради их детей – залогов взаимной любви – смягчить свою гордость, покориться ударам враждебной судьбы и, вернувшись в Рим, остерегаться разжигать вражду могущественных особ неразумным соперничеством. Он говорил это вслух, а после – наедине, и все поняли, что он опасался за свою семью перед ненавистью Тиберия. И для этого у него были все основания.

Вскоре он скончался, оставив в скорби и слезах не только провинцию, но и соседние земли, даже царей и чужеземные народы. В Антиохии горе вылилось в безумные крайности: в день смерти Германика храмы закидали камнями, алтари богов были повержены, некоторые выбросили домашних богов на улицу, а иные даже отказались от детей, рожденных в этот скорбный день. Рассказывают, что варварские племена, воевавшие между собой или с римлянами, прекратили военные действия, словно в дни общенародного бедствия; многие восточные правители сбрили бороды, а их жёны остригли волосы – знак величайшего траура; а парфянский царь, по той же причине, отказался от охоты и не пировал публично с вельможами.

Германик заслужил эту всеобщую любовь добротой к союзникам, милосердием даже к врагам. Очаровательный для тех, кто его видел, уважаемый и любимый теми, кто лишь слышал о нём, он сохранял достоинство своего положения без тени высокомерия.

Его скромные похороны не умалились от горя и похвал его добродетелям. Его сравнивали с Александром, чьё имя, по роковой традиции, звучит в панегириках всем героям, – находили сходство в телесном совершенстве, возрасте, роде смерти и даже в близости мест, где оба трагически завершили свой блистательный путь. Замечали, что оба, обладая знатностью и личным обаянием, погибли на чужбине от коварства приближённых, едва переступив тридцатилетний рубеж; но римлянин был мягок с друзьями, умерен в удовольствиях, жил в честном браке, оставив бесспорное потомство, и не уступал в воинской славе, хотя не кидался в безрассудную храбрость. Будь он полновластным правителем – возможно, превзошел бы Александра в славе, а уж в милосердии, воздержности и прочих добродетелях – несомненно.

Как бы ни судить это сравнение (несомненно, раздутое скорбью и любовью), бесспорно одно: Германик был совершеннейшим князем своего века, единственным достойным в доме Цезарей после Августа, и обладал редким даром – быть любимым.

Перед сожжением его тело обнажили на антиохийском форуме. Были ли на нём следы яда – Тацит не решает утверждать, ибо свидетельства разнятся: каждый судил по пристрастию – к Германику или Пизону. Плиний и Светоний пишут, что сердце не сгорело и осталось целым среди костей. Этот факт признавали даже обвинители и защитники Пизона, споря лишь о причине – яд или болезнь сообщили сердцу такую стойкость. А может, всё проще: случайное положение уберегло его от пламени.

Сентий, узнав о действиях Пизона, принял все необходимые меры, чтобы предотвратить их последствия. Он сорвал попытки Домиция Целера, прибывшего в сирийскую Лаодикию, подкупить верность легионов. Затем он двинулся с сухопутными и морскими силами навстречу Пизону, и тот вынужден был укрыться в крепости Киликии под названием Целендерис. Между ними произошло сражение, в котором Сентий одержал полную победу.

Но упорство Пизона было неукротимо, пока у него оставалась хоть тень надежды. Он попытался захватить вражеский флот врасплох, явился перед легионами и, обращаясь к ним со стены, пытался склонить их на свою сторону. Действительно, знаменосец шестого легиона перешёл со своим знаменем к Пизону. Однако Сентий приказал трубить в трубы, чтобы речи

подстрекателя нельзя было расслышать, и уже готовился штурмовать крепость, когда Пизон, осознав свою слабость, предложил переговоры. Он соглашался сложить оружие при условии, что ему позволят оставаться в Целендерисе до тех пор, пока император не объявит своей воли относительно управления Сирией. Его предложения были отвергнуты, и ему предоставили лишь корабли и свободу вернуться в Италию. Ему пришлось подчиниться этим условиям. Таков был исход безумного предприятия, которое, добавив к уже совершённым или предполагаемым преступлениям Пизона ещё и государственную измену, сделало его осуждение и гибель неизбежными.

В Риме ужас был неопишем, когда стало известно о болезни Германика. Со всех сторон раздавались вопли скорби, негодования и самых горьких жалоб. «Так вот для чего, – говорили люди, – его удалили на край империи! Вот зачем Пизона назначили правителем Сирии! Вот к чему клонились тайные беседы Ливии с Планциной! Ах, конечно, наши предки были правы во всём, что говорили о Друзе! Владыки мира не терпят в своих сыновьях народолюбивого нрава. И не нужно искать иной причины гибели тех добрых принцев, которых мы до сих пор оплакиваем, кроме их намерения вернуть римскому народу свободу и восстановить республиканское равенство!»

Пока граждане предавались этим печальным размышлениям, пришла весть о смерти Германика, довершив всеобщее отчаяние. Не дожидаясь никаких распоряжений сената или магистратов, в Риме прекратились все дела: площади опустели, дома и лавки закрылись; по всему городу царил мрачное молчание, прерываемое лишь стонами и вздохами – и в этом не было ни капли притворства. Если внешние признаки скорби и были соблюдены, внутренняя боль превосходила всё, что они могли выразить.

Случайно купцы, покинувшие Сирию ещё при жизни Германика, своими рассказами возродили надежду. Их словам тотчас поверили и тотчас же разнесли. Радостная весть перелетала из уст в уста, обрастая всё новыми подробностями. Людей охватила радость: они бежали к храмам, требуя открыть двери. Была ночь, и это ещё больше способствовало смелости утверждающих и лёгкости веры. Тиберий был разбужен ликующими криками народа, который хором пел: «Рим спасён, отечество спасено, Германик жив!» Он не стал опровергать ложный слух, зная, что он скоро рассеется сам. И скорбь вспыхнула с новой силой, когда люди поняли, что потеряли Германика во второй раз. Они долго оставались безутешными, и даже дни Сатурналий, издревле предназначенные для веселья и забав, прошли в трауре и слезах.

Сенат постановил воздать памяти принца всевозможные почести: венки, статуи, триумфальные арки в Риме, на берегах Рейна и на сирийской горе Аманус – с надписями, повествующими о его подвигах и гласящими, что он пал на службе республике. Поскольку он любил литературу и даже преуспел в судебном красноречии и поэзии, было решено поместить его бюст среди изображений знаменитых писателей, украшавших зал заседаний сената. Некоторые предлагали сделать его бюст больше и пышнее остальных, но Тиберий воспротивился, заявив, что величие положения не определяет степень литературных заслуг и что для Германика и так достаточно чести быть причисленным к авторам, достойным подражания. Всадники также почтили память усопшего принца, избрав его изображение своим знаменем в торжественной процессии, ежегодно проводившейся 15 июля.

Пока смерть Германика погружала Рим в горький траур, его сестра Ливилла, жена Друза, родила одновременно двух мальчиков. Это стало великой радостью для Тиберия, который, извлекая выгоду из всего, похвалялся перед сенатом этим редким счастьем, утверждая, что у римлян его ранга подобного примера не сыщешь. Но народ, в своём нынешнем состоянии, был опечален этим приростом семьи Друза, который, как ему казалось, подавлял род Германика, единственно им любимого.

М. Валерий Мессала – М. Аврелий Котта. 771 год от основания Рима (20 г. н. э.)

Агриппина, немедленно отплывшая из Сирии, несмотря на тяготы и опасности плавания в самое суровое время года, наконец высадилась на острове Коркира. Там она позволила себе несколько дней, чтобы немного успокоиться и привести в порядок свою внешность, на которой слишком явно читались сила её чувств и нетерпение скорби.

При первом же известии о ее прибытии в Бриндизи, где она должна была сойти на берег, со всех сторон устремились толпы друзей их дома, особенно военных, служивших под началом Германика; множество незнакомых людей из соседних городов, движимых тщеславной надеждой снискать милость императора или просто любопытством. Флот не заставил себя долго ждать; и как только его заметили на горизонте, не только гавань и берега, но и городские стены, крыши, все места, откуда можно было увидеть море, заполнились бесчисленными зрителями, которые в глубокой печали спрашивали друг друга, как им встретить принцессу при высадке – хранить молчание или приветствовать ее возгласами. Они еще не решили, что уместнее в этих обстоятельствах, когда флот постепенно приблизился – не с быстрым гребком, возвещающим радость, не с ликующими криками гребцов, как обычно бывает в подобных случаях, но медленно, в полном унынии.

Принцесса появилась и сошла на берег, держа погребальную урну, в сопровождении двоих своих детей, с опущенными и неподвижными глазами. Тогда раздался всеобщий стон; нельзя было отличить родных от чужих, мужские рыдания от женских. Единственное различие заключалось в том, что встречавшие принцессу, впервые видя это скорбное зрелище, казались более потрясенными, чем свита Агриппины, у которой долгое время уже притупило первые порывы горя.

Тиберий послал две преторианские когорты и приказал магистратам Калабрии, Апулии и Кампании торжественно воздать последние почести памяти его сына. Таким образом, от Бриндизи до Рима траурная процессия продолжалась без перерыва. Урну несли на носилках, которые поддерживали на плечах трибуны и центурионы. Впереди шли отряды солдат с печально опущенными знаменами и ликторы Германика, державшие фасции, обращенные к земле. В колониях, лежавших на пути, простой народ в траурных одеждах, всадники в парадных тогах сжигали ткани, благовония и другие драгоценные предметы, употреблявшиеся при погребениях. Даже жители городов, находившихся в стороне от дороги, выходили навстречу процессии, воздвигали алтари богам теней, приносили жертвы и выражали свою скорбь рыданиями и слезами.

Друз отправился в Террачину вместе с оставшимися в Риме детьми Германика и своим братом Клавдием. Консулы Валерий Мессала и Аврелий Котта, сенат и большая часть народа заполнили дороги беспорядочной толпой, не думая ни о чем, кроме слез. Ибо горе их не было притворным или льстивым. Все хорошо знали, что Тиберий был рад смерти Германика и, несмотря на всю свою скрытность, не мог полностью скрыть свою радость. Тиберий и Ливия не показались на публике – вероятно, потому, что ожидали пристального внимания и боялись, что их притворная скорбь будет разоблачена. Антония, мать Германика, также оставалась в уединении. Но Тацит с большой долей вероятности предполагает, что это было сделано по приказу. Дядя и бабка хотели оправдаться примером матери и дать понять, что одинаковая скорбь вдохновила всех троих на одинаковое поведение.

В день, когда прах Германика был перенесен в мавзолей Августа, город то погружался в гробовое молчание, словно превратившись в пустыню, то оглашался рыданиями и воплями. Со всех сторон бежали на Марсово поле, освещенное бесчисленными факелами. Там воины в доспехах, магистраты без знаков отличия, народ, разделенный по трибам, – все сливались в одних и тех же жалобах и кричали, что республика погибла, что у нее больше нет надежды, выражая свои чувства с такой откровенностью, словно правящий дом для них ничего не значил. Но ничто не ранило сердце Тиберия глубже, чем проявления народной любви к Агриппине. Ее называли честью отечества, единственной истинной кровью Августа, последним

образцом древних добродетелей. Затем обращались к небу и богам, моля их сохранить ее семью и дать ей пережить своих завистников.

Похороны, по-видимому, прошли без особой торжественности. Не несли изображений предков покойного принца, не было ни парадного ложа, ни надгробной речи. Все эти упущения были замечены. Вспоминали, что сделал Август для Друза, какие доказательства скорби и любви он явил, какие почести воздал памяти своего пасынка – и сравнивали это горячее усердие с холодностью и равнодушием Тиберия к принцу, который был ему племянником по крови и сыном по усыновлению. «Если у него нет истинной печали, – говорили, – то неужели он настолько пренебрегает приличиями, чтобы не сделать хотя бы вида?»

Тиберий узнал об этих толках и, чтобы положить им конец, велел обнародовать обращение к народу, в котором говорил, что многие знаменитые мужи погибли на службе республике, но никого не оплакивали так горько. Что эти скорбные чувства делают честь ему и всем гражданам – если только знать в них меру. Что поведение скромных семейств и малозначительных государств – одно, а великих принцев и народа, владыки вселенной – другое. Что было уместно скорбеть, когда утрата была еще свежа, и облегчать горе слезами, но теперь пришло время проявить твердость. Что так поступил Цезарь после смерти единственной дочери, Август – после кончины внуков, не дав печали сломить себя. Что и римский народ в былые времена показывал стойкость перед лицом общих бедствий, после кровавых поражений, унесших великих полководцев и надежды знатнейших домов Рима. Что принцы смертны, но республика должна быть вечной. Поэтому он призывал их вернуться к обычным занятиям и, поскольку приближались игры в честь Великой Матери богов, даже к развлечениям и удовольствиям.

Обстоятельство игр в честь матери богов, которые праздновались четвертого апреля, указывает нам, что мрачная церемония, которую я только что описал, происходила в начале этого месяца или в последних днях марта: подобно тому как Сатурналии, праздники декабря, которые, согласно Светонию, последовали вскоре после известия о смерти Германика, достигшего Рима, дают нам приблизительную дату этой смерти и позволяют предположить, что она произошла в конце ноября предыдущего года.

После того как Германику были отданы последние почести, все мысли обратились к отмщению за его смерть. Народ уже роптал, что Пизон, вместо того чтобы явиться в Рим для ответа на ожидавшие его обвинения, разъезжал по прекрасным областям Азии и Ахайи и этим промедлением, столь же высокомерным, сколь и коварным, уничтожал доказательства своего преступления.

Ибо распространился слух, что знаменитая отравительница Мартина, которая, как мы видели, была отправлена Сентием в Италию, внезапно умерла в Брундизии; и так как на ее теле не обнаружили никаких следов насильственной смерти, возникло подозрение, что она сама приняла яд, спрятанный в узле её волос.

Между тем Пизон приближался. Войдя в Адриатическое море, он отправил своего сына в Рим с поручением смягчить Тиберия и склонить его в свою пользу. Сам же он направился к Друзу, который после похорон Германика вернулся в Иллирию, и предстал перед ним с уверенностью, рассчитывая, что тот менее огорчен смертью брата, чем тайно доволен избавлением от соперника.

Тиберий, желая показаться справедливым и беспристрастным, ласково принял молодого Пизона и пожаловал ему денежное пособие, полагавшееся в таких случаях юношам знатного происхождения. Друз ответил Пизону, что если слухи справедливы, то ему надлежит подавать другим пример скорби и негодования; но он желает, чтобы эти слухи оказались ложными и чтобы смерть Германика не стала роковой для кого-либо. Он произнес это в присутствии свидетелей, избегая частных бесед, и никто не сомневался, что столь осторожное и политичное поведение юного принца, по возрасту и характеру склонного к простоте и прямоте, было следствием указаний, полученных им от Тиберия.

Пизон, переплыв Адриатическое море, высадился в Анконе, где оставил корабли, на которых прибыл. Оттуда, пройдя через Пицен, он присоединился к легиону, шедшему из Паннонии в Рим и затем направлявшемуся в Африку для войны против Такфарината, о котором я до сих пор умышленно не упоминал.

В человеке ненавистном всё подмечают, всему придают дурной смысл. Говорили, будто он нарочно показывался перед солдатами этого легиона, как бы желая испытать их верность и привлечь на свою сторону, чтобы иметь в них опору. Вряд ли он об этом помышлял. Достигнув Нарнии, он – то ли чтобы избежать этого подозрения, о котором его предупредили друзья в Риме, то ли потому, что ум, охваченный страхом, легко меняет решения, – сел на судно и спустился по реке Нар, а затем по Тибру до Рима.

Толпу возмутило, что он причалил напротив мавзолея Цезарей; все осудили, что он сошёл на берег среди бела дня, в многолюдном месте, в сопровождении многочисленных клиентов, а Планцина – в окружении толпы женщин, причём оба сохраняли на лицах выражение уверенности и безмятежности.

Дом Пизона выходил на форум, поэтому всё, что там происходило, не могло остаться незамеченным. С негодованием наблюдали за пиром, которым Пизон отпраздновал своё благополучное возвращение в кругу друзей, за украшениями из венков и огнями, которыми были убраны окна.

На следующий день Фульциний Трион явился к консулам и потребовал права выступить обвинителем против Пизона. Вителлий, Вераний и другие друзья покойного принца воспротивились, утверждая, что Фульциний не имеет оснований вмешиваться в это дело, а они сами будут не столько обвинителями, сколько свидетелями и исполнителями воли Германика.

Фульциний, не желая полностью отказываться от роли, которая ему очень нравилась, потребовал и получил право обвинять Пизона за его прошлые действия до назначения его наместником Сирии.

Обвинители умоляли императора взять на себя расследование и суд по этому важному делу. Обвиняемый также не возражал, опасаясь настроений сената и народа против него. В то же время он знал о твердости Тиберия, который не обращал внимания на слухи неразумной толпы, а также о том, что принцепс был осведомлен о заговорах и тайных приказах своей матери. Кроме того, он считал, что один судья лучше различает истину от наветов, навеянных злобными толкованиями, тогда как собрание легко поддается влиянию ненависти и предубеждения.

Тиберий осознавал всю сложность и тяжесть роли судьи в таком деликатном деле. Он знал о ходивших слухах насчет себя. Поэтому, твердо решив не брать на себя ответственность, он лишь выслушал – в присутствии нескольких друзей – угрозы обвинителей и мольбы обвиняемого, но, не вдаваясь в обсуждение, передал дело на рассмотрение сената. Тем временем Друз вернулся из Иллирии, и хотя ему, как я уже говорил, было предоставлено право на овацию, он отложил церемонию и въехал в город.

Пифон, вынужденный защищаться перед сенатом, с трудом нашел адвокатов. Тацит называет пятерых самых знаменитых ораторов того времени, которые все отказались под разными предлогами. В конце концов Марк Лепид, Луций Пизон и Ливиней Регул согласились взяться за дело. Весь город следил за друзьями Германика, обвиняемым и Тиберием. Никогда еще дело не вызывало такого живого интереса. Особенно внимательно наблюдали, сумеет ли Тиберий настолько владеть собой, чтобы скрыть свои чувства. Если же он их не проявит, их заранее угадывали и позволяли себе судить о них совершенно свободно, но вполголоса и с большой осторожностью.

Тиберий открыл заседание сената заранее подготовленной речью, в которой старался сохранить полную беспристрастность. Он сказал, что Пизон был легатом и другом его отца Августа, а он сам, по совету сената, назначил его помощником Германика в управлении делами

Востока. Теперь же предстояло с полной беспристрастностью рассмотреть, вызывал ли он своим высокомерием и дурным обращением раздражение у юного принца, радовался ли его смерти или даже отравил его.

«Ибо, – добавил он, – если он забыл обязанности легата перед своим командующим, если отказал ему в повиновении, если смерть Германика и моя личная утрата стали для Пифона поводом для радости и торжества, то я буду ненавидеть его как личного врага, запрещаю ему вход в мой дом и буду действовать как оскорбленный частный человек, не прибегая к власти главы государства. Но если будет доказано преступление, караемое законом даже в случае смерти последнего из людей, тогда я и моя мать объединимся с детьми Германика, чтобы потребовать от вас справедливости.

Вам также предстоит рассмотреть поведение обвиняемого по очень важному пункту: нужно проверить, вел ли он себя по отношению к солдатам подстрекательски и мятежно, добивался ли их расположения способами, противоречащими дисциплине, пытался ли силой оружия вернуть себе управление Сирией, или же все эти обвинения ложны и преувеличены. Ведь у меня есть основания жаловаться и на обвинителей, осуждая их чрезмерное рвение.

Зачем нужно было выставлять обнаженное тело на площади Антиохии, привлекать взоры толпы к его осмотру, распространять слухи об отравлении среди иностранных народов, если факт еще не установлен и подлежит расследованию? Я оплакиваю сына и буду оплакивать его всегда, но я не мешаю обвиняемому использовать все средства для доказательства своей невиновности или даже для обличения Германика в несправедливости, если таковая имела место.

И я прошу вас, господа, как бы ни был я лично задет этим делом, не действовать так, будто выдвинутое обвинение уже доказано. Вы, кто связан родством или дружбой с обвиняемым и выступаете в его защиту, употребите все свое красноречие и усердие, чтобы вывести его из опасности. Я призываю обвинителей к такой же активности и стойкости.

Единственная привилегия, которую мы предоставим памяти Германика сверх предписанного законами, – это то, что расследование его смерти будет вестись в сенате, а не в обычном суде. В остальном же должны быть полностью соблюдены правила. Пусть никто не принимает во внимание ни слезы Друза, ни мою скорбь, ни злобные речи, которые могут распространяться против нас».

Затем было определено время для выступлений: два дня – обвинителям, а после шестидневного перерыва – три дня обвиняемому. Тогда выступил Фульциний, чья речь была совершенно неуместна: он вспоминал старые дела, утверждая, что Пизон, будучи легатом Августа в Испании, плохо исполнял свои обязанности перед принцепсом и народом, подозревался в действиях, вредных для службы, и грабил население.

Но это были пустые обвинения, которые обвинителю не нужно было доказывать, а обвиняемому – опровергать, поскольку решение дела зависело от совершенно иных обстоятельств.

Настоящими противниками Пизона были Сервеус, Вераний и Вителлий, особенно последний, который, не уступая другим в усердии, превосходил их красноречием. Они доказали, что Пизон, движимый ненавистью к Германику и честолюбивыми замыслами, развратил войско, предоставив ему полную свободу и позволив безнаказанно притеснять жителей провинции, а взамен добился от самых порочных солдат присвоения себе титула Отца легионов; напротив, он намеренно преследовал лучших воинов, особенно друзей Германика и всех, кто был ему предан. Они добавили, что Пизон погубил этого принца колдовством и ядом, и привели в пример магические жертвоприношения, совершённые им и Планциной. Наконец, они обвинили его в развязывании гражданской войны, так что для привлечения его к суду пришлось сначала разбить его в открытом сражении.

Обвиняемый слабо защищался по большинству пунктов: лишь в отравлении он, казалось, смог оправдаться. То, что утверждали обвинители, было маловероятно. Они говорили, будто Пизон, возлежа за одним столом с Германиком, собственноручно подложил яд в его пищу.

Но можно ли поверить, что он осмелился бы совершить такое в чужом доме, под пристальными и подозрительными взглядами, на глазах самого Германика? Пизон, уверенный в своей невиновности, предлагал подвергнуть пыткам своих рабов и требовал того же для слуг, прислуживавших принцу во время трапезы.

Но судьи были непреклонны по разным причинам: император – из-за войны, которую Пизон развязал в провинции, а сенат – потому что все были убеждены, что в смерти Германика кроется преступление. У дверей зала раздавались крики толпы, грозившей, что если виновный избежит сенатского приговора, народ сам свершит правосудие. Уже стаскивали статуи Пизона к Гемониевой лестнице, чтобы разбить их, если бы Тиберий не послал солдат защитить и вернуть их на место. Пизона, выйдя из сената, посадили в носилки и под охраной трибуна преторианской когорты доставили домой; многие считали, что тому был дан приказ умертвить его. Однако, как выяснилось, офицер был приставлен для защиты от ярости толпы.

Планцина была так же ненавистна народу, как и её муж, но пользовалась большим влиянием. Ливия взяла её под защиту, и сомневались, что даже император сможет преодолеть это препятствие. Пока у Пизона оставалась надежда, Планцина клялась, что разделит его судьбу и готова пойти с ним даже на смерть. Но когда дело приняло дурной оборот, она изменила своё решение: тайно заручившись поддержкой Ливии и уверенная в помиловании, она стала постепенно отделять свои интересы от интересов мужа и готовить собственную защиту, как будто её дело было иным.

Обвиняемый понял, что это – печать его гибели, и усомнился, стоит ли ему пытаться защищаться дальше. По мольбам и уговорам сыновей он собрался с духом и вновь явился в сенат. Терпеливо сносил он всё, что только можно вообразить: обвинения, звучавшие с новой силой, угрозы разгневанных сенаторов. Но более всего его ужаснуло холодное, непроницаемое лицо Тиберия, не выражавшее ни сострадания, ни гнева, словно закрытое для любых чувств.

Вернувшись домой, он принялся писать, будто готовя речь для следующей защиты, запечатал написанное и отдал вольноотпущеннику. Затем принял ванну и лёг ужинать. Когда ночь уже близилась к рассвету, а жена вышла из его комнаты, он велел запереть дверь. Утром его нашли с перерезанным горлом, а рядом на полу лежал меч.

Тацит упоминает, что слышал от стариков, современников этих событий, будто у Пизона не раз видели некий документ, который он так и не обнаружил. По словам его друзей, там содержались приказы Тиберия против Германика, и Пизон был готов предъявить их сенату, обвинив императора в лицо, если бы Сеян не удержал его пустыми обещаниями. Те же старики утверждали, что Пизон не покончил с собой добровольно, а был убит в своём доме одним из слуг принца. Светоний подтверждает, что Тиберий давал Пизону указания и что тот собирався использовать их для оправдания.

Не знаю, насколько можно доверять этим слухам, которые, кажется, предполагают факт отравления, хотя доказать его на суде так и не удалось. Чтобы не строить догадок, я ограничусь тем, что было явно для всех.

Тиберий принял в сенате скорбный вид, жалуясь, что кровавая смерть Пизона может отвлечь от него умы сенаторов. В этот момент появился вольноотпущенник с письмом, составленным Пизоном незадолго до смерти. Тиберий стал подробно расспрашивать его о всех обстоятельствах последних часов жизни его господина, после чего громко зачитал письмо, в котором Пизон излагал следующее:

«Угнетенный кознями врагов и клеветой, призываю в свидетели бессмертных богов, что я, Цезарь, никогда не отступал от верности, которую обязан был тебе хранить, равно как и от глубочайшего почтения к твоей матери. И умоляю вас обоих проявить милосердие к моим сыновьям. Старший, Гней Пизон, не имеет ничего общего с моим положением, ибо все время моего отсутствия провел в Риме. Марк Пизон не одобрял моего намерения вернуться в Сирию – и если бы я последовал совету юного сына, а не он моему старческому авторитету!

Это заставляет меня умолять вас с особой настойчивостью не допустить, чтобы он понес наказание за мою дерзость, в которой не виновен. Во имя сорока пяти лет службы, во имя чести быть твоим коллегой по консульству, дарованием несчастному сыну жизни по мольбе отца, который был уважаем Августом, был твоим другом и более не попросит у тебя никаких милостей».

Пизон не упомянул в письме Планцину.

Тиберий внял его мольбам о младшем сыне. Он постарался оправдать Марка Пизона, ссылаясь на отцовские приказы, которым сын не мог послушаться. Он также принял во внимание знатность их рода и даже печальный конец обвиняемого, к которому, каковы бы ни были его преступления, нельзя было не испытывать жалости.

Затем он, с видом смущенным и неловким, вступился за Планцину, ссылаясь на просьбы своей матери, против которой лучшие люди втайне роптали с величайшим негодованием. «Что же, – говорили они, – убийца внука будет спасена бабкой, которая сочтет за удовольствие видеть ее и беседовать с ней! То, что законы предоставляют всем гражданам, не может быть даровано Германику! Какое противоречие! Вераний и Вителлий требуют отмщения за сына императора, а Тиберий и Ливия защищают Планцину и мешают сенату свершить правосудие. Пусть же она теперь обратит свои яды и козни, столь успешные против Германика, против Агриппины и ее детей, и пусть насытит кровью этого несчастного семейства бабку и дядю, столь верно хранящих природные чувства!»

Тиберий не хотел сам даровать Планцине прощение, но желал, чтобы ее оправдал сенат. Таким образом, два дня были потрачены на разбор ее дела – или, вернее, на видимость разбора. Император настоятельно побуждал сыновей Пизона защищать мать; обвинители выступали против нее; свидетели изобличали ее. Но поскольку никто не отвечал на обвинения, ее положение скорее вызывало сострадание, чем ненависть. Наконец, перешли к голосованию.

Консул Аврелий Котта, высказываясь первым, предложил:

вычеркнуть имя Пизона из фаст;

конфисковать половину его имущества, а другую оставить старшему сыну, Гнею Пизону, с обязательством сменить преномен;

лишить Марка Пизона сенаторского достоинства и сослать на десять лет, выделив ему из конфискованного имущества отца пять миллионов сестерциев;

сохранить жизнь и имущество Планцине в уважение к просьбам Ливии.

Тиберий смягчил многие пункты этого предложения. Он не позволил вычеркнуть имя Пизона из фаст, говоря, что там остались имена Марка Антония, воевавшего против отечества, и Юла Антония, опозорившего дом Августа прелюбодеянием. Он освободил Марка Пизона от бесчестья и оставил ему отцовское наследство, ибо конфискации, впоследствии столь частые у алчных правителей, мало занимали Тиберия: корысть не владела им. В данном же случае стыд за оправдание Планцины склонял его к милосердию.

Под влиянием того же чувства, когда Валерий Мессалин и Цецина Север предложили – один воздвигнуть в храме Мстителя-Марса золотую статую этого бога, а другой – алтарь Мщению, Тиберий воспротивился, сказав, что подобные памятники уместны для побед над внешними врагами, а домашние бедствия лучше предавать забвению.

Мессалин добавил, что следует возблагодарить за отмщение за смерть Германика Тиберия, Ливию, Антонию, Агриппину и Друза, но не упомянул Клавдия. Хотя он и был братом Германика, слабоумный Клавдий, тогда простой римский всадник, столь мало значил в государстве, что никто о нем не думал. Однако Аспрена обратил внимание на это упущение, и имя Клавдия было внесено в сенатское постановление.

По этому поводу Тацит замечает:

«Чем больше я размышляю о событиях древних и новых, тем больше убеждаюсь, что дела смертных – игрушка в руках высшей силы. Ибо общее мнение, планы и чаяния, народное

почитание скорее указывали на любого другого, чем на того, кого судьба втайне готовила к власти, без малейшего подозрения со стороны людей. Если вместо слепой и капризной Фортуны предположить Провидение, которое играет человеческими расчетами и незримыми, но неотвратимыми путями исполняет свои всегда мудрые замыслы, – то ничто не будет справедливее этого замечания Тацита».

Затем Тиберий предложил сенату предоставить жреческие должности Вителлию, Веранию и Сервею в награду за их усердие. Фульцинию он пообещал свою поддержку на пути к почестям, но предупредил его, чтобы тот умеренно пользовался своими способностями и остерегался, стремясь к быстрому продвижению, обрывистых мест на своем пути. Впоследствии окажется, что Фульциний мало воспользовался этим советом.

Так закончилось дело, связанное с мезтью за смерть Германика. В то время об этой смерти говорили разное, и истина так и не была выяснена: «Так много остается неясного, – говорит Тацит, – даже в самых знаменитых и важных событиях, потому что одни принимают за достоверное первые услышанные ими слухи, другие искажают и извращают известную им правду, и каждое из этих противоречащих преданий укореняется в потомстве». Поэтому неизвестно, был ли Германик отравлен. Но что совершенно достоверно и ясно, так это то, что Пизон, ставший орудием злой воли Тиберия – по крайней мере в том, что досаждал Германику и старался всеми способами унижать и раздражать его, – был наказан самим принцем, чьей страсти он служил. Это памятный пример Божественного правосудия и неосмотрительной дерзости царедворцев.

Примечания:

[1] Это древний город Солы. В «Истории Римской Республики» можно узнать, откуда произошло его новое название.

[2] Река в Киликии.

[3] Закон Юния Норбана устанавливал промежуточное состояние между полной свободой и рабством для тех рабов, которые не были освобождены со всеми формальностями.

[4] См. «Историю Римской Республики».

[5] Причины этого запрета изложены в «Римской истории» после завоевания Египта Августом.

[6] Эта Селевкия имела прозвище Пиерия и находилась у моря, в устье Оронта.

[7] Те, кто говорит об отравлении Александра, считают это событие истинным, хотя оно не более достоверно, чем в случае с македонским царём или Германиком.

[8] ПЛИНИЙ, IX, 71; СВЕТОНИЙ, «Калигула».

[9] Следует отметить, что Тацит, которого я здесь перевожу, говорит не от своего имени: он передаёт мнение толпы. Поэтому было бы ошибочно искать в этих словах мысли историка и делать вывод, что он считал Августа виновным в смерти Марцелла и Друза.

[10] СВЕТОНИЙ, «Калигула», 6.

[11] Может показаться странным, что Тиберий считал многих римлян своего ранга. *Nulli ante Romanorum ejusdem fastigii viro germinam stirpem editam*. Его выражение нельзя ограничить только Цезарем и Августом: очевидно, оно включает знаменитых людей времён Республики. Дело в том, что он не считал себя монархом: он полагал, что прежняя форма правления в основе сохранилась, лишь видоизменившись, а не была уничтожена преобразованиями Августа.

[12] Речь идёт не о той Калабрии, которую мы знаем сегодня. Древняя Калабрия была частью того, что сейчас называется Апулией.

[13] СВЕТОНИЙ, «Калигула», 6.

[14] Современная река Нера.

[15] Один из пяти, Марцелл Эзернин, по-видимому, является тем самым внуком Поллиона, о котором говорилось в конце второй книги.

[16] Это место, куда сбрасывали тела казнённых преступников.

[17] СВЕТОНИЙ, «Тиберий», 52.

[18] ТАЦИТ, «Анналы», III, 16.

[19] Пизон был коллегой Тиберия по второму консульству в 745 году от основания Рима.

[20] Шестьсот двадцать пять тысяч ливров = 1 022 900 франков по расчёту г-на Летронна.

§ III. Овация Друза

Как я уже говорил, Друз отложил честь овации, которая была ему дарована, не желая отвлекать внимание от важного дела, занимавшего весь город. В те времена ещё так религиозно соблюдали древние формальности, что, поскольку при въезде в Рим он утрачивал право командования, необходимое ему для проведения церемонии, он выехал за городские стены, вновь принял ауспиции и затем вернулся с пышностью малого триумфа.

Спустя несколько дней скончалась его мать Випсания – единственная из всех детей Агриппы, кому выпало спокойно завершить свой жизненный путь. Остальные же умерли либо трагически, либо, по крайней мере, преждевременно. Два юных Цезаря, Гай и Луций, были унесены смертью в расцвете лет, и ходили подозрения, обоснованные или нет, что их дни сократил яд. Тиберий приказал умертвить Агриппу Постума. В дальнейшем ходе этой истории мы увидим, как Юлия погибнет в печальном изгнании, а Агриппина умрёт от голода. Если бы Агриппа не возвысился над скромным положением своих предков, если бы не стал зятем Августа, его семья избежала бы столь несчастливой участи.

Обвинение и осуждение знатной дамы

Одна знатная дама, обвинённая и осуждённая, хоть и была виновна, вызвала сострадание народа. Её звали Лепида; по отцу она происходила из Эмилиев, а среди её предков были Помпей и Сулла. Август некогда предназначал её в жёны младшему из своих приёмных сыновей, Луцию Цезарю, но смерть принца помешала этому союзу. Она выходила замуж не раз, и в последний раз – за Сульпиция Квирина, о котором мы уже упоминали в предыдущее царствование. Человек незнатного происхождения, он благодаря своим талантам и заслугам достиг высших должностей в государстве. Лепида, ведшая беспорядочную жизнь, быстро наскучила старому мужу. Он развёлся с ней, но, сохранив после развода жгучую обиду, обвинил её в подмене ребёнка и отравлении. Кроме того, ей вменили прелюбодеяние и, что важнее, оскорбление величества. Утверждали, будто она вопрошала астрологов о судьбе дома Цезарей.

Тиберий, как обычно, вёл себя двусмысленно: он так искусно смешивал признаки милосердия с проявлениями гнева, что невозможно было понять его истинные намерения. Он заявил, что не желает, чтобы в процессе фигурировало обвинение в оскорблении величества, и действительно не допустил пыток рабов Лепиды для дачи показаний по этому пункту. Однако в то же время он призвал нескольких свидетелей высказаться именно о тех фактах, которые якобы хотел скрыть. Он не позволил Друзу, как консулу, избранному на следующий год, первым высказать своё мнение, и эта сдержанность имела двойкий смысл. С одной стороны, можно было подумать, что он хотел сохранить свободу голосования, которая была бы скована, если бы сразу стало известно мнение сына императора. С другой – если бы он благоволил Лепиде, вряд ли он позволил бы другим взять на себя роль её оправдателей.

Во время суда, когда в театре Помпея давались игры, Лепида явилась туда в сопровождении знатнейших матрон и, рыдая, взывала к именам своих предков, особенно Помпея, чью память напоминал сам театр. Она так растрогала народ, что все вскочили со своих мест, проливая слёзы, осыпали Квирина проклятиями и поносили его. Ему ставили в вину низкое происхождение, огромное влияние, основанное на том, что он был стар, богат и бездетен, и то, что он так недостойно злоупотреблял им, гнетя женщину знатного рода, которую сам Август счёл достойной стать его невесткой.

Тем не менее, на суде были доказаны беспорядочность и преступления Лепиды, и большинство сенаторов поддержало мнение Рубеллия Бланда, приговорившего её к изгнанию. Примечательно, что Друз присоединился к этому мнению, хотя некоторые сенаторы предлагали более мягкое наказание. Изгнание влекло за собой конфискацию имущества, но по просьбе Скавра, у которого была дочь от брака с Лепидой, эта часть приговора не была исполнена.

Когда всё завершилось, Тиберий заявил, что из показаний рабов Квирина следует, что Лепида пыталась отравить их господина.

Судьба Квирина

Квирий был дорог Тиберию, поскольку доказал свою преданность и уважение в критический момент – во время его пребывания на Родосе. Мы видели, как Лоллий, наставник Гая Цезаря, приёмного сына Августа, настраивал молодого принца против Тиберия. Квирий, сменивший Лоллия, вёл себя совершенно иначе. Тиберий всегда помнил об этом, и можно предположить, что именно это придало вес обвинениям Квирина против Лепиды. Таким образом, он добился мести, но недолго ею наслаждался: на следующий год он умер, не слишком оплакиваемый народом, который не простил ему дело Лепиды и презирал его как старого скрягу, чьё влияние было ему в тягость. Тиберий же, напротив, изложив сенату причины своей привязанности к Квирию, добился для него, несмотря на низкое происхождение, почётных государственных похорон.

Но вернёмся к ходу событий.

Две знатнейшие семьи Рима одновременно постигло горе: Кальпурнии скорбели о смерти Пизона, Эмилии – об изгнании Лепиды. В этих обстоятельствах утешением для знати стало возвращение Д. Силана в дом Юниев. Он был одним из соблазнителей Юлии, внучки Августа. Хотя разгневанный принцепс ограничился разрывом дружбы с ним, следуя древней римской простоте нравов, Децим счёл благоразумным добровольно удалиться в изгнание. Он оставался там, пока жил Август. Когда же императором стал Тиберий, он осмелился просить через сенат и принцепса о возвращении, пользуясь влиянием своего брата Марка Силана, которого красноречие и знатное имя ставили в высокое положение. Разрешение было дано: Децим вернулся в Рим. Когда Марк принес Тиберию в сенате благодарность, тот ответил, что рад возвращению брата из долгого путешествия, ибо ничто не должно было препятствовать этому, так как против него не было ни сенатского постановления, ни судебного приговора. Однако он добавил, что не примирится с Децимом, помня справедливый гнев своего отца, и что возвращение виновного не должно считаться отменой воли Августа. С тех пор Д. Силан жил в Риме, но не устаивался почестей.

Затем встал вопрос о смягчении закона Папия-Поппея, изданного Августом против безбрачия. Сам по себе закон был мудр: зло, которое он преследовал, столь же вредное для нравов, сколь и для умножения граждан, упорно держалось, что доказывало необходимость мер. Ибо, несмотря на строгость наказаний, безбрачие оставалось в моде. Помимо соблазна свободы (или, вернее, распутства), когда люди грубо стремились к удовольствиям, избегая хлопот семейной жизни и воспитания детей, в Риме не было положения слаще, чем у богача без наследников. Все искали его милости, а надежда быть выгодно упомянутым в завещании приносила ему друзей, влияние и власть.

Август поступил мудро, обуздав этот вредный и глубоко укоренившийся беспорядок. Но, как и все в жизни, закон Папия-Поппея имел свои недостатки: он открывал дорогу бесчисленным злоупотреблениям. Как и большинство римских законов против преступлений, он поощрял доносчиков наградой, что привлекало толпы алчных людей. Они злонамеренно расширяли толкование закона, применяя его к случаям, о которых законодатель и не думал, затевая тяжбы против граждан в Риме, Италии и всей империи, разоряя семьи и наводя страх даже на тех, кого еще не трогали. Поэтому Тиберий счёл нужным учредить комиссию из пяти консуляров, пяти бывших преторов и пяти сенаторов низшего ранга, которые внесли в закон ограничения и поправки, сделав его бремя менее тяжким.

Нерон, старший сын Германика, вступил тогда в отроческий возраст. Тиберий, представив его сенату, просил освободить юношу от прохождения вигинтивирата (первой ступени почестей) и разрешить ему добиваться квестуры на пять лет раньше положенного срока. Он подкрепил просьбу доводами и примерами, указав, что сам он и его брат получили такие же

милости по рекомендации Августа. Тацит утверждает, что сенаторы втихомолку смеялись над этой показной скромностью Тиберия, и даже предполагает, что подобные просьбы из уст Августа звучали не менее лицемерно. Ведь эти принцепсы не боялись отказа и могли просто приказать вместо того, чтобы просить сенат. Однако это был знак уважения к древнему праву республики, как бы подтверждавший, что оно не упразднено.

Тогда же Нерон получил сан понтифика, а в день его совершеннолетия император-дед раздал народу щедрые подаяния. Народ радовался, видя, как семья Германика выходит из детского возраста и начинает появляться на публике. Радость умножилась браком Нерона с Юлией, дочерью Друза. Напротив, все осудили помолвку малолетнего сына Клавдия с дочерью Сеяна, справедливо считая этот союз недостойным императорского дома. Брак не состоялся: юный принц вскоре погиб при странном случае – играя, он подбросил грушу и поймал ее ртом, но она застряла так глубоко, что задушила его.

Под конец года умер Саллюстий, преемник и соперник Мецената, под чьим началом он служил. Он был внуком сестры историка Саллюстия, который его усыновил. Как и Меценат, он оставался во всадническом сословии, не стремясь к почестям, хотя превосходил властью многих консуляров. Подобно ему, он был человеком удовольствий, соединяя изнеженность нравов с силой ума. Долгое время он пользовался наибольшим доверием Августа, а затем и Тиберия, который поручил ему устранить Агриппу Постума. И, чтобы сходство с Меценатом было полным, он, как и тот, утратил влияние еще до смерти.

Тиберий стал консулом в следующем году вместе со своим сыном Друзом.

ТИБЕРИЙ ЦЕЗАРЬ АВГУСТ IV – ДРУЗ ЦЕЗАРЬ II. 772 г. от основания Рима. 21 г. от Р.Х.

Это совместное консульство отца и сына – примечательная особенность. Три года назад уже видели Тиберия и Германика коллегами в той же должности. Но кровная связь между ними была не столь тесной, да и сердечной привязанности не существовало.

Еще более любопытное наблюдение: казалось, что консульство, разделенное с Тиберием, приносит несчастье. Он был консулом пять раз, и все пятеро его коллег погибли насильственной смертью. Вар, его коллега по первому консульству, был вынужден покончить с собой из-за поражения от германцев. Мы уже рассказали о печальной участи Пизона и Германика, его коллег во втором и третьем консульствах. Друз, с которым он разделял четвертое, вскоре погибнет от яда. В пятом консульстве Тиберия его коллегой был Сеян, чья ужасная катастрофа хорошо известна.

В начале года, когда Тиберий в четвертый раз стал консулом, он покинул Рим и отправился в Кампанию, якобы для восстановления здоровья. С тех пор как он стал императором, он почти не покидал Рима. В первые два года он не переступал городских ворот. Позже он совершал небольшие поездки, но очень краткие и не дальше Анциума. Нынешний его отъезд был более продолжительным и дальним от столицы. Возможно, он уже тогда задумывал план вечного удаления, который осуществил несколькими годами позже, и хотел постепенно приучить к этому умы. Кроме того, он был рад оставить своего сына единственным исполняющим консульские обязанности.

Этот молодой князь отличился в деле, которое, незначительное вначале, переросло в спор, разделивший весь сенат. Корбулон, впоследствии прославившийся во главе армий, подал жалобу в сенат на Луция Силу, молодого человека знатного рода, который во время зрелища отказался уступить ему почетное место. Корбулон ссылаясь на права старшинства, древний обычай и поддержку всех старейшин. Сила, со своей стороны, был защищен Мамерком Скавром, Луцием Аррунтием и другими родственниками. Дебаты были горячими с обеих сторон, приводились примеры предков, которые суровыми указами обуздывали дерзость молодежи, забывающей уважение к старшим. Друз примирил все стороны, выступив мудро и уме-

ренно. В конце концов Мамерк, бывший одновременно дядей Силы и мужем его матери, принес Корбулону удовлетворение от имени племянника и пасынка.

Тот же Корбулон, человек деятельный и пылкий, указал сенату на плохое состояние дорог, запущенных из-за мошенничества подрядчиков и нерадивости магистратов, и добровольно взял на себя исправление этих злоупотреблений. Дороги – предмет общественного блага, весьма достойный внимания и усердия такого человека, как Корбулон. Но его обвиняли в излишней строгости. Он возбудил дела против множества людей, разорив их состояние и запятнав репутацию. Позже мы увидим, как он возобновит это дело при Калигуле и использует его, чтобы удовлетворить алчность принцепса и самому достичь консульства. Это пятно на его жизни.

Цецина Север выдвинул другой проект реформы. Он предложил, чтобы сенат постановил, согласно древнему обычаю, запретить военачальникам и наместникам провинций брать с собой жен в места службы. Весь сенат воспротивился этому предложению, особенно резко выступил против Валерий Мессалин, сын оратора Мессалы, унаследовавший в некоторой степени его красноречие. У Тацита можно найти аргументы за и против. Мне достаточно отметить, что Друз поддержал общее мнение. Он заявил, что в поездках, которые ему, возможно, придется совершать по службе отцу и на благо империи, он будет огорчен разлукой с Ливиллой, с которой живет в полном согласии и которая подарила ему троих детей.

Ливилла своей последующей поведенностью плохо ответила на эти свидетельства нежности и уважения, которые Друз публично высказал ей в сенате.

Казалось, отсутствие Тиберия придавало сенаторам смелости говорить и действовать свободнее. Все возмущались, но никто не решался выступить против чудовищного злоупотребления, которое укоренилось под прикрытием уважения к особе принцепса. Люди с дурной репутацией, негодяи, держа в руках изображение императора, безнаказанно осыпали самых достойных граждан оскорблениями и гнусной клеветой; даже вольноотпущенники и рабы, вооружившись тем же способом, оскорбляли своих патронов и господ, угрожали им жестами и не только не боялись наказания за свою наглость, но, напротив, внушали страх.

Гай Цестий стал выразителем всеобщего негодования. В сенате он заявил, что принцепсы на земле занимают место богов, но даже боги внемлют лишь справедливым молитвам, и никто не может укрыться в Капитолии или других храмах города, чтобы под защитой религии творить преступления. Он добавил, что законы больше не имеют силы, раз женщина, осужденная им за мошенничество по решению суда, осмелилась оскорблять и угрожать ему на форуме у дверей сената, а он не мог привлечь её к суду, потому что она прикрывалась изображением императора.

Как только нашелся сенатор, осмелившийся сказать то, что все думали, многие присоединились к нему, приводя подобные или даже более вопиющие примеры, и все просили Друза восстановить порядок. Тот удовлетворил столь справедливое требование: Анния Руфилла (так звали женщину, на которую жаловался Цестий) была вызвана, избличена и заключена в тюрьму. В то же время два римских всадника, ложно обвинившие претора в оскорблении величества, были наказаны по решению сената с согласия и одобрения императора.

Эти акты правосудия были встречены публикой с одобрением. Заслугу приписывали Друзу, который, находясь в Риме и слыша толки, смягчал суровость, внушенную его отцу мрачным уединением. Поскольку порок раздражает людей лишь тогда, когда вредит им, никто не осуждал молодого принца за склонность к удовольствиям. «Пусть лучше предаётся развлечению, – говорили, – проводит дни в театрах, а ночи за пирами, чем, затворившись в одиночестве, предаётся мрачным мыслям и злодейским замыслам».

Между тем Тиберий и доносчики не унимались. Обвинение в оскорблении величества стало завершающим штрихом любого другого обвинения. По словам Тацита, даже в делах

о вымогательстве или прелюбодеянии добавляли этот пункт, чтобы окончательно погубить обвиняемого.

Тирания постепенно достигла невероятных масштабов. Мало того, что ловили на неосторожных словах, сказанных в пьяном виде, или на безобидных шутках – дошло до того, что каралось смертью наказание раба возле статуи Августа, переодевание вблизи его изображения или ношение монеты с его портретом в отхожее место.

Я бы не решился привести анекдот, сохранённый Сенекой, если бы его пример не оправдывал меня и если бы не было полезно знать, на что способна низость доносчиков, когда их поддерживают власть имущие. Бывший претор Павел, присутствуя на пиру, носил кольцо с изображением Тиберия. «Я выглядел бы смешно, – пишет Сенека, – если бы стал искать околичности, чтобы сказать, что ему понадобился ночной горшок». Он не подумал снять кольцо, и это подметил доносчик Марон, бывший среди гостей. К счастью, верный раб заметил то же самое, но с иными намерениями, и незаметно снял кольцо с руки хозяина. Уже Марон строчил донос и собирал показания свидетелей, когда раб предъявил кольцо.

Так Тиберий подтвердил худшие ожидания, сложившиеся о нём с самого начала правления. Узнав о злословии и сатирических стихах в свой адрес, он приписывал это дурному нраву и стремлению к независимости, почти гордился этим и, перефразируя знаменитые слова Атрея, говорил: «Пусть ненавидят, лишь бы уважали». Но если суровая добродетель может вызывать одновременно восхищение и ненависть, то жестокость и тирания заслуживают лишь отвращения. Именно такое чувство вызовет у читателя рассказ о казни Лутория Приска.

Этот римский всадник, рожденный с поэтическим даром, сочинил по случаю смерти Германика элегию в стихах, которая имела успех и была вознаграждена императором денежной наградой. Когда заболел Друз, Луторий написал подобное произведение, чтобы обнародовать его в случае смерти принца, льстя себя надеждой на еще большее вознаграждение, чем прежде. Однако принц не умер, и поэт, по легкомыслию и тщеславию, прочел свои стихи в большом кругу дам.

Доносчик по профессии узнал об этом и немедленно донес об этом новом виде преступления в сенат. Свидетели были вызваны и подтвердили обвинение, за исключением одной дамы по имени Вителлия, которая заявила, что ничего не слышала. Когда факт был установлен, перешли к голосованию.

Гатерий Агриппа, как консул-десигнат, высказался первым и предложил смертную казнь. Признаюсь, я не могу понять, на каком принципе юриспруденции или по какому закону основывалась такая жестокость. Трусость сенаторов должна была быть крайней, раз даже Манлий Лепид, пытаясь смягчить участь обвиняемого, не осмелился оспорить приговор консула-десигната, а лишь предложил менее суровую меру. Он высказался следующим образом:

«Отцы сенаторы! Если мы будем рассматривать лишь нечестивое использование Луторием Приском своего таланта и безрассудство, с которым он стремился распространить заразу своего порочного сочинения, то ни тюрьма, ни петля, ни даже пытки, предназначенные для рабов, не покажутся достаточным наказанием за его дерзость.

Но если, даже в самых тяжких преступлениях, умеренность принца, примеры ваших предков и ваши собственные решения учат вас смягчать строгость кары; если справедливо проводить различие между легкомыслием и злодеянием, между словами и действиями – то мы можем принять решение, которое не оставит вину безнаказанной, но и не навлечет на нас упреков в излишней снисходительности или жестокости.

Я часто слышал, как император сожалел, когда кто-либо лишал его возможности проявить милосердие, ускоряя свою смерть. Луторий жив, и его жизнь не угрожает республике, равно как его смерть не послужит примером. Его литературные труды столь же тщеславны, сколь и безумны. Не бойтесь серьезного и обдуманного заговора со стороны человека, который

сам выдает свои секреты и, в некотором роде, становится своим же доносчиком, выпрашивая у женщин аплодисменты своим стихам.

Тем не менее, я не утверждаю, что он невиновен. Я предлагаю приговорить его к изгнанию и конфискации имущества, как если бы он подпадал под закон об оскорблении величества».

Рубеллий Бланд был единственным из консуляров, поддержавшим мнение Лепида; все остальные согласились с Гетерием Агриппой. Луторий был отведён в тюрьму и немедленно казнён.

Тиберий в письме выразил недовольство этим решением, но, как обычно, облёк свои слова в двусмысленность. Он благодарил сенаторов за рвение в отмщении даже малейших оскорблений величия принцепса, однако просил, чтобы пустые слова не наказывались столь быстро и сурово. Он хвалил Лепида, но не осуждал Агриппу.

Если верить Диону, Тиберий был недоволен не самим приговором и казнью Лутория, а тем, что сенат действовал, не дожидаясь его распоряжений. Именно поэтому он ввёл известное постановление, согласно которому сенатские декреты не сразу передавались в казну (то есть, как мы бы сказали, в канцелярию), а значит, не могли быть исполнены раньше, чем через десять дней. Таким образом, осуждённые получали отсрочку.

Этот закон казался проявлением умеренности и мудрости. Однако Тиберий, находившийся тогда в Кампании и уже задумывавшийся о том, чтобы остаться там надолго, ввёл эту отсрочку лишь для того, чтобы успеть узнать о решениях сената и скрепить их своей печатью. Поэтому закон не принёс реальной пользы: сенат не мог изменить свои приговоры, а задержка никак не смягчала суровый и неумолимый нрав Тиберия.

Несомненно, однако, что впоследствии добрые правители воплотили в жизнь то, что для первого законодателя было лишь пустой видимостью, и рассматривали этот закон как сдержку для поспешного гнева и инструмент милосердия. Срок отсрочки был даже увеличен до тридцати дней, а император Феодосий, по настоянию святого Амвросия, распространил это правило и на приговоры, исходившие от самого императора, тогда как ранее оно касалось лишь решений сената.

В том же году произошли волнения во Фракии, которая, как мы видели, была разделена между Реметалком и сыновьями Котиса. Их умирил некий Веллей, которого с большой долей вероятности можно отождествить с тем самым историком, чьё краткое сочинение дошло до нас и не было бы лишено ценности, если бы не было пропитано лестью.

Более серьёзные волнения, которые заслуживают нашего особого внимания, произошли в Галлии. Их причиной стало непомерное бремя долгов, тяготившее города и народы. Чтобы платить подати и налоги, они брали деньги в долг под большие проценты у богатейших римлян, получая временное облегчение, которое вскоре оборачивалось новым грузом, под которым они и гибли.

Два знатных галла – один из области треверов, другой из округа Отёна, Юлий Флор и Юлий Сакровир, – подняли своих соотечественников на восстание. Их отцы получили римское гражданство за заслуги перед Римом, но сами они, будучи более преданы истинной родине, чем той, к которой их хотели привязать, задумали освободить свой народ от рабства. Для этого один должен был поднять белгов, другой – галльские племена, ближайšie к Италии.

Сначала они тайно привлекли на свою сторону самых гордых и храбрых сограждан, а также тех, кого нищета или страх заслуженного наказания за преступления толкали на отчаянные поступки. Затем, выступая на собраниях разных племён, они с негодованием говорили о непосильных и бесконечных податях, огромных процентах, которые приходилось платить, о высокомерии и жестокости римских магистратов. Они указывали на то, что рейнские легионы охвачены раздорами и мятежным духом после известия о гибели Германика, и что сейчас – лучший момент для обретения свободы, если сравнить их собственное процветающее

состояние со слабостью Италии, изнеженностью римской черни, давно отвыкшей держать меч, так что сила римских армий зиждется лишь на иноземных солдатах.

Почти не было в Галлии племени, куда бы не проникли эти мятежные идеи и не возымели действия. Однако общее восстание не было должным образом организовано: волнения вспыхивали по частям и подавлялись по мере возникновения, не успев перерасти в единый союз.

Первыми поднялись жители Анжу и Турени. Один отряд, стоявший гарнизоном в Лионе, оказался достаточным, чтобы усмирить анжуйцев. Туренцы были разбиты отрядом, посланным Виселлием Варроном, командующим армией Нижнего Рейна. Генерал-лейтенант Ацилий Авиола получил почести за эти две победы. Но самое примечательное было то, что несколько знатных галлов, участвовавших в заговоре, сражались тогда за римлян, чтобы скрыть свою связь с мятежниками и дожидаться благоприятного момента. В частности, Сакровир в битве против туренцев появился без шлема: он говорил, что делает это, чтобы показать свою храбрость; но пленные разоблачили его, заявив, что он хотел, чтобы его узнали и потому пощадили. Это донесение передали Тиберию, но он не придавал ему значения, и эта беспечность позволила восстанию набрать силу.

Между тем Флор продолжал осуществлять свой замысел; он попытался переманить на свою сторону значительный отряд кавалерии, набранный треверами и обученный по римским военным стандартам. Он хотел убедить их начать войну с резни римских торговцев, обосновавшихся в этой стране. Лишь немногие вняли его уговорам; большинство осталось верным. К тем, кого ему удалось склонить на свою сторону, Флор присоединил своих клиентов и толпу негодяев, которых долги заставляли желать перемен; с этим отрядом он намеревался укрыться в Арденнах. Но ему помешали легионы, выставленные против него с разных сторон Виселлием Варроном и Г. Силием, командующими римскими армиями на Рейне. Юлий Инд, другой галл из земли треверов, личный враг Флора и потому ревностно служивший римлянам, во главе отряда отборных войск легко рассеял еще неорганизованную толпу. Флор скрылся от победителей в неизвестных убежищах, часто меняя их. Но в конце концов он был обнаружен и, увидев солдат, блокировавших все выходы, покончил с собой. Так закончилось движение среди треверов.

Эдуи, гораздо более могущественные и удаленные от основных римских сил, имели время и возможности доставить больше хлопот своим господам. Сакровир, вооружив несколько когорт, захватил город Отён, а также молодую галльскую знать, обучавшуюся там изящным искусствам; он удерживал их как залог верности и привязанности первых семейств страны. Тайно изготовленное оружие он раздал сорока тысячам своих сторонников. Пятая часть этого войска была вооружена как легионеры; остальные имели лишь копья и охотничьи ножи. К ним присоединились рабы, обученные гладиаторскому делу и закованные в доспехи, которые делали их неуязвимыми, но малоподвижными. Эти силы пополнялись добровольцами из соседних областей, хотя города официально не присоединялись к восстанию. Наконец, Сакровир использовал и время, которое ему подарил спор между двумя римскими командующими, каждый из которых жаждал возглавить эту войну; пока старый и немощный Виселлий не уступил место Силию, находившемуся в расцвете сил.

В Риме молва, как обычно, преувеличивала масштабы восстания. Говорили не только о мятеже эдуев и треверов: будто бы все шестьдесят четыре галльских племени взялись за оружие, призвали германцев, а Испания колеблется. Это вызывало тревогу у добропорядочных граждан, дороживших интересами республики; но большинство, уставшее от жестокой тирании и жаждавшее перемен, радовалось собственной опасности. Возмущались, что Тиберий в такой ситуации занимается доносами обвинителей. «Неужели Юлий Сакровир предстанет перед сенатом по обвинению в оскорблении величества?» – говорили они. Наконец нашлись смелые люди, ответившие мечом на кровавые приказы. Война – это лучше, чем позорное рабство. Чем больше волнения и страха видел Тиберий, тем больше он демонстрировал спокой-

ствия. Он не изменил ни места, ни выражения лица; вел себя так, будто ничего не случилось – то ли из душевной твердости, то ли зная, что восстание незначительно и сильно преувеличено молвой.

Силий выступил с двумя легионами, послав вперед кавалерийский отряд, который опустошил земли секванов, союзников эдуев. Легионы быстро двинулись к Отёну. Даже простые солдаты горели нетерпением. «Вперед! – кричали они. – Если мы увидим их, а они нас – победа обеспечена!»

Враг встретил их на равнине в четырех милях от Отёна. Сакровир поставил впереди закованных в железо гладиаторов, на флангах – хорошо вооруженные когорты, во второй линии – неорганизованную толпу. Объезжая ряды на боевом коне, он напоминал о прошлых победах галлов над римлянами. Он сулил своим свободу в случае победы и рабство хуже прежнего – в случае поражения.

Напрасно галльский военачальник старался внушить доверие своим войскам. Как могли горожане, никогда не видевшие войны, устоять против римских легионов? Конница Силия охватила их с флангов, и внезапно они дрогнули, обратив в бегство когорты, составлявшие два крыла. Центр эдуйской армии было не так легко прорвать, поскольку железные доспехи, в которые были облачены воины, защищали их от дротиков и мечей. Но римляне, вооружившись топорами, словно собираясь пробивать брешь в стене, разрубали на куски и тела, и оружие; некоторые длинными шестами опрокидывали эти неподвижные массы, и как только несчастные галлы падали на землю, они оставались лежать, как мертвые, не имея сил подняться. Сакровир сначала бежал в Отен, но, опасаясь выдачи, укрылся с самыми преданными ему людьми в загородном доме неподалеку от города. Там он покончил с собой; остальные же сражались сообща и пронзали друг друга. После их смерти здание подожгли, и все они сгорели.

Только тогда Тиберий написал сенату, чтобы одновременно сообщить о начале и конце войны. Он излагал события так, как они были, ничего не преувеличивая и не умаляя, разделяя честь победы между доблестью своих легатов и приказами, которыми он направлял их действия. Затем он объяснил причины, по которым не мог ни сам отправиться в Галлию, ни послать туда своего сына, подчеркивая величие императорской власти, которой не подобало, при первых слухах о незначительных волнениях в провинции, немедленно пускаться в путь и покидать Рим – центр всего и место, откуда принцепс должен был наблюдать за всеми частями империи. Он добавил, что, учитывая нынешнее положение дел, когда уже нельзя было заподозрить, что его действия продиктованы страхом, он отправится на место, чтобы иметь возможность принять все необходимые меры для обеспечения спокойствия в стране.

Сенат постановил вознести молитвы за возвращение императора и выразить другие знаки почтения и преданности своему правителю. Лишь один сенатор, носивший знаменитое имя – Корнелий Долабелла, – сделал себя посмешищем, предложив устроить овацию в честь его въезда в Рим по возвращении из Кампании. Его низкопоклонство было вознаграждено по заслугам: вскоре пришло письмо от Тиберия, в котором говорилось, что он не настолько лишен славы, чтобы после покорения самых воинственных народов, после стольких триумфов, полученных или даже отвергнутых в молодости, теперь, в преклонных годах, искать суетной и легкомысленной чести за поездку, на которую его вынудило здоровье.

Впрочем, его великое путешествие в Галлию оказалось не более реальным, чем все предыдущие, которые он планировал. Почти каждый год он объявлял о подобных поездках и готовился к ним. Задерживались повозки, в городах по маршруту собирались припасы, возносились молитвы за его путешествие и возвращение, но в итоге он так и не покидал Рима или его окрестностей. В связи с этим к нему применили греческую поговорку о некоем Каллиппиде, который вечно двигался, но не преодолевал и локтя пути.

Между тем Африка уже несколько лет была охвачена войной, более досадной, чем опасной, развязанной неким Такфаринатом – человеком низкого происхождения, но храбрым

и решительным. Тацит относит начало этой войны к 768 году от основания Рима и сообщает следующее.

Такфаринат, нумидиец по происхождению, некогда служивший в римских войсках, а затем дезертировавший, сначала собрал вокруг себя шайку разбойников, с которыми совершал набеги, грабя и разоряя все на своем пути. Когда его отряд разросся, он разделил его по военному образцу на когорты и эскадроны. Наконец, набрав еще больше сил, он перестал быть просто предводителем сброда и был признан вождем народа мусуланов, который, будучи тогда могущественным и обитая близ африканских пустынь, взялся за оружие по его наущению и вскоре объединился с маврами под командованием Мазиппы. Два вождя действовали в полном согласии. Они разделили армию: Такфаринат взял себе лучших воинов, которых обязался обучать дисциплине и вооружить на римский манер, разместив их в лагере. Мазиппа же во главе легких отрядов нёс огонь и меч по всем окрестным землям. Их успехи привлекли на их сторону и кинетийцев, народ, живший у Малого Сирта.

В то время проконсулом Африки был Фурий Камилл, под началом которого находился лишь один легион. Он присоединил к нему вспомогательные войска и выступил против врага. Это была ничтожная сила по сравнению с полчищами мавров и нумидийцев. Но Камилл больше всего боялся показаться варварам настолько грозным, чтобы те решились избежать сражения. Оставив им надежду на победу, он сумел их разгромить. Такфаринат был разбит в открытом бою, и Камилл вернул своей семье военную славу, которая пребывала в забвении если не со времен знаменитого победителя галлов и его сына, как пишет Тацит, то по крайней мере более двухсот лет. Фурий Камилл, о котором идет речь, до этого не считался воином, и потому Тиберий тем охотнее превознес его заслуги перед республикой. Сенат удостоил его триумфальных отличий, и эта честь не стала для него роковой, поскольку скромность его характера и поведения смягчала её блеск. Поскольку победа не положила конец войне, Тиберий счел необходимым усилить Африку, перебросив туда один из паннонских легионов.

У Тацита нет упоминаний о Такфаринате в течение трех лет – то ли нумидиец бездействовал все это время (что маловероятно), то ли историк включил в свое повествование события нескольких лет без указания на это. Как бы то ни было, в 771 году от основания Рима Такфаринат вновь появляется на сцене, опустошая земли, сжигая селения, уводя богатую добычу. Наконец, он осмелился даже осадить римскую когорту в укреплении неподалеку от реки Пагида. Комендант крепости, по имени Децирий, был храбрым офицером, опытным в военном деле, и считал позором позволить варварам осаждать себя. Он убеждал своих солдат выйти в поле и дать бой, но его доблесть не нашла отклика. При первой же атаке когорты дрогнула. Децирий, бросаясь под градом стрел, останавливал бегущих, яростно упрекал знаменосцев и напоминал всем, как позорно римским солдатам бежать перед недисциплинированными бандами дезертиров. Истекая кровью от множества ран, лишившись глаза от стрелы, он продолжал сражаться лицом к врагу, пока, покинутый своими, не пал на поле боя.

Л. Апроний, который прежде был легатом Германика и удостоился триумфальных отличий, сменил Камилла в качестве проконсула Африки. В этой должности он проявил суровость, примеры которой стали редкостью в последние годы. Он подверг децимации виновную когорту, и тех, на кого пал жребий, казнили палками. Эта строгость возымела действие. Вскоре после этого отряд ветеранов численностью всего в пятьсот человек обратил в бегство те же самые войска Такфарината и вынудил его снять осаду с города Тала.

В этом последнем сражении простой солдат по имени Гельвий Руф заслужил честь спасти жизнь гражданина. Апроний наградил его браслетами, ожерельем и копьем; что же касается гражданского венка, он не осмелился пожаловать его сам и предоставил решение императору. Тот его даровал, впрочем, не без упрека в адрес проконсула за излишнюю почтительность, хотя и не был всерьез разгневан.

Такфаринат, видя своих нумидийцев деморализованными и не желающими больше осад, вернулся к обычной тактике своего народа: совершал набеги, отступал при сильном натиске, а затем внезапно возвращался и атаковал с тыла тех, перед кем только что бежал. Пока он придерживался этой тактики, все усилия римлян оказывались тщетными. Однако жажда добычи завлекла его к приморским областям, где он решил разбить лагерь. Тогда сын Апрония внезапно напал на него с римской конницей, вспомогательными когортами и самыми проворными солдатами из двух легионов. Нумидиец был разбит и вынужден отступить в пустыню.

Преемником Апрония стал Юний Блез, дядя Сеяна. Африка была сенатской провинцией, и, следовательно, назначение проконсула принадлежало сенату. Однако военные обстоятельства побудили сенаторов предоставить выбор императору. Тиберий, с притворной скромностью, на которую он так старался, пожаловался, что сенат перекладывает на него все дела, и предложил двух кандидатов: Мания Лепида и Блеза. Лепид отказался, ссылаясь на здоровье, возраст своих детей и необходимость выдать замуж дочь; все понимали и невысказанную причину – Блез был дядей Сеяна, а потому обладал огромным влиянием. Блез тоже попытался отказаться, но менее решительно, и был прерван криками льстецов, которые поняли его истинные намерения и поддержали его в соответствии с его тайными желаниями.

Хотя Блез получил должность по протекции, он был достойным человеком и хорошо справлялся со своими обязанностями. Такфаринат, несмотря на неоднократные поражения, не падал духом и восполнял потери за счет новых подкреплений из глубин Африки. Он дошел до такой дерзости, что отправил посольство к императору, требуя земель для поселения со своими сторонниками и угрожая в случае отказа беспощадной войной. Тиберий был глубоко оскорблен этим вызовом, брошенным ему и римскому имени. Он заметил, что даже Спартак, разгромивший множество консульских армий и безнаказанно опустошавший Италию, не смог добиться переговоров, хотя республика в то время вела войны с Серторием и Митридатом. Тем более теперь, в эпоху наивысшего могущества и славы римского народа, нельзя унижаться до того, чтобы покупать дружбу дезертира и разбойника, даровав ему мир и земли. Он приказал Блезу обещать безнаказанность всем, кто покинет Такфарината и сложит оружие, но самого предводителя захватить любой ценой.

Римские обещания откололи от Такфарината многих его сторонников. Однако он оставался грозным противником, и для его окончательного разгрома Блез перенял его тактику. Поскольку нумидиец не мог противостоять римской армии в открытом бою, он преуспел в партизанской войне, рассредоточивая свои силы на мелкие отряды, которые устраивали засады. Римский полководец также разделил армию на три части. Одна, под командованием Корнелия Сципиона, двинулась влево, к Лептису. Блез-младший во главе другого отряда направился вправо, чтобы прикрыть поселения вокруг Цирты, столицы Нумидии. Сам проконсул, продвигаясь в центре, возводил укрепления в ключевых точках, сжимая варваров в тиски: куда бы они ни повернули, везде натыкались на римских солдат – спереди, с флангов, а иногда и с тыла. Произошло несколько стычек, в которых враги понесли большие потери.

Убедившись в успехе этой тактики, Блез разделил каждую из трех частей своей армии на еще меньшие отряды, поставив во главе их опытных центурионов. Когда закончилось лето, он, вопреки обычаю, не отвел войска на зимние квартиры, а остался во вражеской стране, построив множество укреплений. Отправляя самые мобильные части, знакомые с путями в этих пустынях, он теснил Такфарината от одного убежища к другому. Наконец, захватив в плен брата предводителя разбойников, Блез поспешно вернулся, хотя это не соответствовало интересам провинции, поскольку корень зла оставался неистребленным.

Тем не менее, он приписал себе славу окончания Африканской войны, и Тиберий сделал вид, что верит ему. Он не только удостоил его триумфальных отличий, но и позволил солдатам провозгласить его императором – почетный титул, который обычно сохранялся за самими цезарями. Блез стал последним частным лицом, удостоенным этой чести.

Награждая Блеза, Тиберий слабоумно заявил, что делает это ради своего племянника Сеяна, к которому питал слепое пристрастие, в то время как к самым достойным людям относился с подозрением.

Примечания:

[1] Полагаю, что Квирий был последним мужем Лепиды, поскольку вижу, что он обвиняет её в подмене ребёнка, что скорее указывает на недавний развод. Светоний же утверждает, что он обвинил её лишь двадцать лет спустя после развода – обстоятельство, которое Тацит не преминул бы упомянуть, будь оно правдой.

[2] ТАЦИТ, «Анналы», III, 23.

[3] Я говорю о безбрачии в том виде, в каком его практиковали римляне. Закон Папия-Поппея отнюдь не был направлен против целомудрия. Эта добродетель была почти неизвестна среди язычников, и если бы Август боролся с ней, он сражался бы с химерой.

[4] Вигинтивират включал в себя различные должности и, как следует из названия, представлял собой коллегия из двадцати магистратов, а именно: троих, ведавших казнями преступников (*triumviri capitales*); троих, отвечавших за чеканку монеты (*triumviri monetales*); четверых, на которых лежала обязанность следить за улицами Рима (*quatuorviri curandarum viarum*); и десятерых, участвовавших в разбирательстве центумвиральных дел (*decemviri litibus judicandis*). (ДИОН, кн. 54.)

[5] Как уже упоминалось ранее, старший сын Германика должен был жениться на дочери Кретика Силана. История не сообщает, что именно разрушило этот брак.

[6] ДИОН КАССИЙ, I, 59.

[7] ТАЦИТ, «Анналы», III, 36.

[8] СВЕТОНИЙ, «Тиберий», 58.

[9] СЕНЕКА, «О благодеяниях», 26.

[10] СЕНЕКА, «О благодеяниях», 26.

[11] Тит Ливий говорит о солдатах Камилла: *severitate imperii victi, eandem virtutem et oderant et mirabantur* («Побеждённые строгостью начальника, они одновременно и ненавидели, и восхищались его доблестью»). (Liv. V, 26.)

[12] ДИОН КАССИЙ, I, 57.

[13] ТАЦИТ, «Анналы», III, 38.

[14] Последний из Фуриев, кто праздновал триумф, – это Л. Фурий Пурпуреон, который, будучи претором, разбил цизальпийских галлов и отпраздновал триумф в 552 году от основания Рима. См. «История Римской республики», т. VI, с. 526.

§ IV. Жалобы эдилов на роскошь пиршеств

Г. Сульпиций Гальба. – Д. Гатерий Агриппа.

Тиберий провёл в Кампании тот год, на который был назначен консулом вместе со своим сыном, и оставался там в начале следующего года, когда консулами стали Д. Гатерий Агриппа и Г. Сульпиций Гальба, брат будущего императора Гальбы. Там он получил постановление сената, поручившее ему заботу об ограничении роскоши пиршеств, на которую эдилы принесли жалобу в сенат.

Роскошь достигла невероятных пределов во всех видах безумных трат. Однако во многих случаях люди старались избежать порицания, скрывая истинную стоимость вещей. Но расходы на пиры так легко утаить было нельзя, и они стали предметом всеобщих пересудов. То была эпоха Апиция, самого знаменитого из трёх гурманов, носивших это имя. Поскольку у него было множество подражателей и учеников среди самых знатных граждан Рима, а сам он содержал школу чревоугодия, рассказы Сенеки о нём дают представление о вкусах, царивших в то время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.